

очарование

МЕГАН ФРЭМПТОН

*Как приручить
герцогиню*

Очарование (АСТ)

Меган Фрэмpton
Как приручить герцогиню

«АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Фрэмpton М.

Как приручить герцогиню / М. Фрэмpton — «АСТ»,
2015 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-105759-6

Прелестная Изабелл, леди Соуфорд, не ожидала ничего хорошего от брака по расчету с Николасом, герцогом Гейджем, — а уж первой брачной ночи вообще ждала словно казни. Однако, к ее огромному изумлению, молодой супруг оказался истинным джентльменом, не помышляющим заставлять ее исполнять супружеский долг и вполне довольным положением доброго друга. Бедняжка Изабелл и не подозревала, что необычайно искушенный в отношениях с женщинами повеса Николас, втайне влюбившийся в свою жену с первого взгляда, просто претворяет в жизнь свой хитроумный план вкрасться к ней в доверие, соблазнить и добиться от нее ответного чувства. Однако приручить герцогиню не так легко, как кажется!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-105759-6

© Фрэмpton М., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Меган Фрэмpton

Как приручить герцогиню

Глава 1

1842 год, Лондон

Дом для отдыха и развлечения джентльменов, второй отдельный кабинет справа

– А что ты со мной сделаешь потом? – Николаса не слишком интересовали детали ответа. Он и так знал, что женщина, сидящая у него на коленях, сделает все, что он захочет, а он, в свою очередь, проявит свои лучшие джентльменские качества и постарается, чтобы она тоже получила удовольствие. В любви он был сторонником равноправия.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? – поинтересовалась она.

Женщина явно не понимала, что, задавая вопрос, он хотел получить ответ. Николас подавил раздражение и, да, ощущение скуки. Вздохнув, он положил клубнику между ее грудями и наклонил голову, чтобы взять сочную ягоду в рот. Клубнику, а не грудь. Это лакомство он оставил на десерт.

Затем он зашептал ей прямо в ухо, так, чтобы ни одна из дам, сидевших справа и слева от него, ничего не услышали.

– Я хочу, чтобы твой рот был занят, и ты не имела возможности говорить. А когда ты снова сможешь говорить, ты будешь выкрикивать мое имя.

Женщина поерзала у него на коленях, и ее бархатистые ягодички потерлись о его естество, которое и без того было готово к действию. Положив голову на плечо мужчины, она негромко проворковала:

– Я слышала о вас, милорд, и очень хочу выяснить, правдивы ли слухи.

Николас обхватил ее за талию, и его руки скользнули чуть выше, оказавшись под грудями.

Это была любимая часть его развлечений с женщиной – предвкушение. В этот момент ему лишь предстояло узнать, каким будет ее лицо, когда ее накроет волна наслаждения, как будет двигаться ее тело под ним, как она раскроется для него. Реальное действие, конечно, тоже приятно, но пока еще ни одна женщина, с которой был Николас, не сумела оправдать его ожидания.

Но каждый раз, обнимая новую женщину, он надеялся, что это будет она. Именно эта женщина сумеет поднять его к высотам экстаза, поможет забыться в блаженной истоме, хотя бы на несколько минут восхитительного наслаждения выкинуть все из головы, будет равной ему в постели, в разговоре, в жизни.

Не то чтобы он рассчитывал найти такую женщину здесь, в доме, пользовавшемся дурной репутацией, хотя и созданном специально для обслуживания представителей его сословия. Но только Николас не желал ухаживать за молодой леди из высшего общества, понимая, что, женившись на ней, почти наверняка обнаружит, что она не может соответствовать ему ни в постели, ни в разговоре, ни в жизни.

Лишь однажды, год назад он встретил женщину, на которой всерьез подумывал жениться. Но она вышла замуж за другого раньше, чем он успел разобраться, действительно ли хочет этого брака. И он остался в одиночестве, решив не жениться по крайней мере до тех пор, когда не будет абсолютно уверен в женщине.

Однако он не собирался отказываться от удовольствий, которые мог получить в постели лишь потому, что невысоко оценивал свои шансы на долгосрочное счастье. Краткосрочное удовольствие в данный момент его тоже вполне устраивало.

Судя по всему, большинство джентльменов в Лондоне придерживались аналогичного мнения. Этот дом был полон красивых женщин, как рыбный пруд рыб, и их было очень легко поймать. Достаточно лишь забросить крючок с наживкой из денег и нескольких тщательно выбранных слов. У Николаса не было недостатка ни в одном, ни в другом, поэтому сейчас рядом с ним сидели сразу три красотки.

Они находились в одном из самых роскошных отдельных кабинетов, но не на огромной кровати, занимавшей большую часть помещения. Все четверо сидели на низком диване, обтянутом темно-красной тканью. Мебель тоже была выдержана в темных тонах, и мерцание нескольких умело расставленных свечей создавало теплую чувственную атмосферу. Словно Николас и три дамы были еще недостаточно настроены на чувственные наслаждения.

– Милорд? – Женщина, сидевшая у него на коленях, повернулась и заглянула ему в лицо. Две другие – с ними он уже был раньше и знал, что они достаточно умелы и старательны, – ершили его волосы, гладили грудь под расстегнутой рубашкой и нашептывали тихие словечки, в основном касающиеся его, их и того, чем они собираются заниматься вместе.

Николас с нетерпением ждал продолжения. Поэтому он вовсе не обрадовался, когда услышал доносившийся из коридора голос своего брата Гриффа, зовущий его по имени. Грифф был вовсе не плохим братом. Николас даже любил его, как мог. Только Грифф, в отличие от своего старшего брата, не был завсегдаем заведений с плохой репутацией. Он не посещал заведений даже с хорошей репутацией, проводя все свое время в библиотеке.

– Прошу прощения, дамы. – Николас пересадил женщину с коленей на диван, застегнул пуговицы рубашки и пригладил волосы.

– Заходи, Грифф, – крикнул он и встал.

Он как раз заправлял рубашку в брюки, когда вошел Грифф. Брат замер на пороге, непроизвольно разинув рот. Вероятно, его потрясла открывшаяся перед ним картина полного и абсолютного распутства. Или, как Николас любил это называть, вторника.

– Что случилось? – спросил он, поскольку Грифф только открывал и закрывал рот, не произнося ни звука.

– Вот, – наконец буркнул брат и протянул ему лист бумаги. – Я решил, что моим словам ты не поверишь.

Николас развернул лист – это был тяжелый пергамент, который сам по себе придавал написанным на нем словам весомость, – пробежал глазами полные официальных выражений строчки и в немом изумлении уставился на брата.

– Здесь сказано... это делает меня...

Грифф кивнул.

– Да, герцогом Гейджем.

Николас снова опустил глаза на пергамент, словно пытаясь найти в нем объяснение. Оно там действительно содержалось, только Николас никак не мог пробраться через дебри многочисленных «ввиду того, что», «в подтверждение» и «в доказательство».

– Но этого не может быть. Как? – Он взглянул на брата, словно Грифф мог что-то объяснить.

– Судя по всему, был какой-то спор о родословной и линии наследования в одной из ветвей нашего семейства, весьма отдаленной. Но в результате теперешний герцог Гейдж перестал быть таковым, потому что несколькими поколениями ранее имело место двоебрачие. – Брат все объяснил. Замечательно.

Но теперь...

– И герцогство – или как там это называется – переходит ко мне? А как насчет всех прочих родственников, стоящих в очереди на титул?

Грифф покачал головой.

– Это двоебрачие повлияло на многих потомков. Это как война роз, которая началась, потому что Джон Гонт женился на своей любовнице, и это сделало их детей не незаконнорожденными, но...

Николас хлопнул брата по плечу – не сильно, но достаточно чувствительно, чтобы заставить его замолчать.

– Мне сейчас не нужен урок истории. И я надеюсь, что это... – он взмахнул пергаментом, – ...не приведет к войне.

– Да, конечно. – Грифф потер плечо и ухмыльнулся. – Хорошо, что ты, а не я.

Николас тряхнул головой.

– Если бы речь шла о тебе, значит, я был бы уже мертв. Так что я тоже очень рад, что это я, а не ты. Но что я теперь должен делать?

Грифф пожал плечами.

– Насколько мне известно, теперешний герцог оспаривает это решение, но, судя по всему, законность – или незаконность, как тебе больше нравится, – на твоей стороне.

Николас нахмурился.

– А как получилось, что обо всем первым узнал ты, а не я?

Брат, похоже, растерялся.

– Но ведь поверенный явился в дом, когда тебя не было, а я был. И я сразу отправился тебя искать, подумав, что ты захочешь узнать об этом сразу.

Да. Все верно. Его брат был в их общем доме и, безусловно, занимался чем-то в высшей степени достойным. А он проводил время здесь в компании сразу трех женщин легкого поведения. Разумеется, это тоже можно считать достойным занятием и утверждать, что все остальные мужчины в мире заблуждаются, ухаживая за женщинами традиционным способом, однако едва ли с этим кто-то согласится.

Николас уже не впервые задумался о том, как получилось, что они с братом такие разные. И, тем не менее, они очень близки. Грифф чувствовал себя абсолютно счастливым, уткнувшись носом в книгу. А он, Николас, испытывал подобные ощущения, только уткнувшись носом в женскую грудь. Лучше в две.

Его старшие сестры – обе замужние – тоже были до мозга костей уважаемыми особами, но они были его сводными сестрами, так что не считаются.

Он повернулся к женщинам, которые теперь занимались друг другом, и ощутил укол вождления, увидев, что именно одна делает другой, в то время как третья смотрит полными вождления глазами.

– Прошу прощения, дамы, но появилось срочное дело, требующее моего внимания.

Все три женщины подняли на него глаза. Их лица выражали откровенное разочарование. Та, что сидела в середине – кажется, ее звали Салли, – промурлыкала:

– Вы уверены, милорд? Ваш друг может ненадолго к нам присоединиться.

Николас покосился на брата, физиономия которого приобрела устрашающе багровый оттенок. Если цвет станет еще на тон темнее, Грифф сможет слиться с обивкой дивана.

– Мне очень жаль, что мы не можем остаться, дамы. Нам действительно необходимо уйти. – Он не хотел без необходимости конфузить невинного Гриффа. Мало ли, какая неприятность могла с ним произойти.

Не дожидаясь ответа, Николас взял брата за локоть и вывел его из комнаты. По пути к выходу он дал несколько монет хозяйке заведения.

– Вы так рано? – удивилась она, убирая деньги в карман. – Надеюсь, мы скоро увидим вас снова, милорд.

Николас покачал головой.

– К сожалению, я вряд ли вернусь. По крайней мере, в ближайшее время. Похоже, я унаследовал герцогский титул.

С этими словами он распахнул дверь и вышел в туманную ночь. Брат следовал за ним по пятам.

Из неопубликованного романа с продолжением

Повелительницы Тайн

– Мисс Джейн? Вы ждете лорда Арбутнотширстона?

Леди подняла голову от книги, лежавшей у нее на коленях.

– Да. А кто вы?

Она несколько мгновений его рассматривала и отметила мрачное выражение лица, чернильно-черные волосы, тонкие губы и повадки хищника. Их взгляды встретились.

Его глаза напоминали два черных колодца, в которых невозможно было разглядеть дна. Она непроизвольно вздрогнула.

Мужчина не ответил, просто сел рядом с ней на скамью. Он положил руку на спинку, и теперь она едва не касалась Джейн. Девушка нахмурилась и слегка подалась вперед.

Вокруг них полно народу. Она в безопасности. Или нет?

– Кто вы? – повторила она.

– Я принц Лагордонза. А вы будете моей невестой.

Принцесса и негодяй

Глава 2

– Вы слышали новость? О герцоге Гейдже?

Мать Изабелл поджала губы.

– Мы ничего не слышали. Если ты собираешься распространять беспочвенные сплетни, Мария...

Тетя Изабелл возбужденно подпрыгнула на стуле, отчего ее многочисленные кудряшки, падавшие на лоб, тоже подпрыгнули. Ее глаза горели от восторга.

– Это вовсе не беспочвенные сплетни, Джейн. Оказывается, герцога Гейджа нет. – Мария, тетя Изабелл, всегда носила очень широкие юбки с оборками вдоль подола. Если она совершала резкие движения, оборки тоже слегка приподнимались.

– Как это нет? – Тон Джейн, матери Изабелл, был раздраженным, нетерпеливым и властным. Типичным для нее.

– Я говорю, герцога Гейджа нет. Ты что, не слышишь?

Изабелл уколола палец вышивальной иглой. Она ничего не говорила, более того, почти не дышала. Неужели это значит...

– Как это может быть? Как это герцога Гейджа нет, если он есть? – возмутилась Джейн. – Честно говоря, трудно поверить, что мы с тобой сестры. Ты – самое глупое существо на свете.

Мария застыла и сжала губы. Кудряшки тоже застыли.

– Если хочешь услышать новости от кого-то другого, можешь продолжать меня оскорблять. Но не удивляйся, если твои драгоценные планы относительно твоей драгоценной дочери потерпят крах, поскольку ее жених – шарлатан. – Она кивнула с видом победительницы. – Что тогда будет?

«Тогда я не выйду за него замуж, – подумала Изабелл, – и слава богу». Вслух она эту мысль не озвучила, поскольку, строго говоря, вопрос был обращен не к ней. Она покосилась на мать, лицо которой утратило свою обычную надменность и приобрело более человеческое выражение.

Да, новость неожиданная. Даже ее мать несколько растерялась, пусть даже и ненадолго.

На Изабелл было очень красивое платье. Она всегда была прекрасно одета и умело причесана, и у нее имелось все, что требуется будущей герцогине. Как будущая герцогиня, она сейчас сидела рядом с матерью и вышивала, хотя предпочла бы гулять с сестрой в парке или заниматься любым другим делом, кроме ненавистной вышивки.

– Ну, расскажи, – процедила Джейн.

Ее тетя, в отличие от своей сестры никогда не умевшая держать язык за зубами, снова возбужденно подпрыгнула.

– Говорят, что было проведено какое-то расследование в отношении родословной герцога, из-за правового спора – я точно не знаю, какого именно. И в семье герцога обнаружилось что-то сомнительное, лишшающее его права на герцогский титул.

Изабелл хотелось завизжать от радости, или крепко обнять тетю, или хотя бы забегать по комнате вприпрыжку, размахивая руками. Но она не сделала ничего из перечисленного, позволила себе только глубокий вздох и продолжила вышивание. Возможно, герцог больше не герцог, но мать останется ее матерью навсегда, и она будет недовольна, если дочь поведет себя неосмотрительно.

Мать встала и жестом велела Изабелл тоже встать.

– Мы должны выяснить, что происходит. Твой отец разберется.

Изабелл почувствовала, что дрожит, правда, она не была уверена, от чего именно – от радости, возбуждения или шока. Перед ней, как красивейшая манящая драгоценность, замаячила возможность обретения свободы, отмены брака с герцогом, и осталось только протянуть

руку и взять ее. А свобода для нее была дороже всего на свете, желаннее любого редчайшего бриллианта. Дело в том, что свободы у Изабелл никогда не было, ни одно мгновение своей жизни она не чувствовала себя свободной. А бриллианты для леди, занимающей ее положение в обществе, являлись относительно доступными.

Мать окинула ее свирепым взглядом, словно это Изабелл была виновата в том, что герцог больше не герцог. Изабелл очень хотелось сказать матери, что будь у нее волшебная сила, она бы использовала ее, чтобы избавить себя от всех возможных брачных соглашений. Или, возможно, сделать себя менее красивой, чтобы люди к ней не приставали.

– Что ты возишься, Изабелл? – раздраженно спросила мать и повернулась к сестре. – Надеюсь, тебя не надо провожать, Мария? – Это не было вопросом, но матери, по крайней мере, хватило такта сделать вид, что она хочет оказать сестре уважение.

– Конечно, нет. – Мария похлопала Изабелл по руке. – Уверена, у тебя все будет хорошо, Изабелл. Ты сделаешь прекрасную партию – не с герцогом, так с кем-нибудь другим.

Изабелл кивнула. Она никогда не говорила ни тете, ни кому-то другому, что она думает о прекрасных партиях. Все дело в том, что прекрасная партия означала для нее совсем не то, что для ее семьи.

Если ей не придется выходить замуж за герцога, возможно, она сможет найти человека, которому она не будет безразлична. Только такой брак она станет считать хорошим, а вовсе не тот, в котором титул супруга важнее его человеческих качеств. Пусть у нее не будет любви, но она хотела тепла, дружелюбия и, возможно, хотя бы немного нежности.

Герцог – во всяком случае, Гейдж – единственный герцог, которого она знала, – никогда не выказывал ничего подобного. Он относился к ней так же, как ее мать – как к неразумному существу, которое следует постоянно поправлять и ругать, чтобы сделать совершенным.

Совершенство Изабелл уже достигла, хотя и не гордилась этим. Из нее вылепили совершенную, идеальную герцогиню, хотя теперь, похоже, не было герцога, чтобы завершить процесс. От этой мысли ей захотелось рассмеяться. Планы матери в одночасье рухнули, что не могло не радовать.

Свобода. Изабелл редко позволяла себе думать, как могла сложиться ее судьба, если бы ее будущее не было predetermined. Теперь, когда все изменилось, она внезапно почувствовала страх. Кем она станет, если не будет герцогиней Гейдж?

– Видите, ваша светлость, все эти документы подтверждают ваше право на титул. – Поверенный, один из пяти приглашенных, указал на внушительную стопку бумаг, которые никак нельзя было отнести к любимому чтиву Николаса. Впрочем, он никому не собирался рассказывать, что предпочитает любовные романы, и чем драматичнее, тем лучше.

Во-первых, в этих документах не было героев, беседовавших о любви. Во-вторых, единственная интрига заключалась в том, когда именно Николас заснет в процессе бесконечных и исключительно занудных объяснений. И, в-третьих, он никак не мог дождаться конца, и вовсе не потому, что в конце влюбленные, наконец, обретут совместное счастье, а злодей благополучно исчезнет. Просто Николасу очень хотелось избавиться от прямо-таки воинствующего педантизма юристов.

Тем не менее он не ушел и не прервал говорившего ни одной неуместной ремаркой. В общем, он не сделал ничего, что мог бы сделать, не будь он герцогом.

Титул принадлежал ему всего два часа, но уже успел его изменить. Мысль была одновременно интригующей и пугающей. Произошла одна фундаментальная перемена: раньше он не был герцогом, а теперь им стал. Что еще должно было измениться?

Накануне вечером он вернулся домой слишком поздно даже для того, чтобы просто обдумать случившееся, не говоря уже о визите в контору поверенных. Но сегодня утром Николас и Грифф встали в безбожно ранний час – по крайней мере, час был безбожно ранним для Нико-

ласа, возможно, у Гриффа имелось другое мнение – и поспешили к юристам, чтобы увидеть своими глазами документы и выслушать разъяснения.

И вот уже некоторое время Николас кивал, одобрительно поддакивал и старательно делал вид, что понимает нудные объяснения. А Грифф не притворялся. Он был искренне взволнован и жадно ловил каждое слово, явно понимая все сказанное.

Николасу нередко приходило в голову, что такие разные люди, как он и Грифф, не могут родиться у одних родителей.

– А здесь, ваша светлость, – поверенный указал на другой документ, – говорится о другом обязательстве, которое взял на себя герцог – я хотел сказать, прежний герцог. – У мужчины слегка дрожала рука, и Николас подумал, что для этого человека, вероятно, юридические документы столь же увлекательны, как для него любовные романы. Интересно, когда Повелительница Тайн начнет писать следующий роман? Вот, что было бы интересно почитать, а не всю эту заумную юридическую чепуху.

– О чем речь?

– Ваша светлость, речь идет о помолвке с дочерью графа Гросстона, леди Изабелл Соуфорд – так ее, кажется, зовут.

– И какое это имеет отношение ко мне?

Поверенный откашлялся. Он не смотрел в глаза Николасу.

– Представляется, ваша светлость, что если брак между дочерью графа и герцогом Гейджем, кто бы ни был обладателем этого титула, не состоится, имение герцога едва ли сможет обеспечить текущий уровень дохода. Дело в том, что засуха, имевшая место два года назад, вынудила герцога – я имею в виду прежнего герцога – заключить соглашение с графом, и тот вложил немалые суммы во владения герцога.

– Позвольте мне взглянуть, – сказал Грифф и взял документ.

Николас фыркнул.

– Но ведь граф наверняка не может настаивать, чтобы нынешний герцог Гейдж выполнил обязательства прежнего. И что подумает юная леди? Она, вероятно, желает получить вполне конкретного супруга, а не замену. Ведь речь идет не о замене лошади в упряжи.

– Конечно, нет, ваша светлость, – ответил поверенный. Он говорил неуверенно, и впервые после получения новости об обретении герцогства Николас ощутил беспокойство.

– Я правильно понимаю? – Теперь Николас обращался к Гриффу, который все еще внимательно изучал документ.

Грифф поднял голову и пристально взглянул на брата. Беспокойство новоявленного герцога многократно усилилось.

– Это такой же законный документ, как и те, что доказывают твое право на герцогство. Похоже, брат мой, ты унаследовал не только титул. В дополнение к нему ты получил жену.

Из неопубликованного романа с продолжением

Повелительницы Тайн

– Вы ошибаетесь, ваше высочество. – Будучи уверенной, что Энтони скоро придет, Джейн говорила спокойно и невозмутимо.

– Нет, моя дорогая. – Вкрадчивый голос мужчины – принца – окатил ее, словно октябрьский ливень, вызвав внутри леденящий до боли холод. – Ваш отец пообещал вас мне в обмен на освобождение его от некоторых обязательств. И ваш избранник согласился уйти в сторону. Он не придет за вами сегодня. Никогда не придет. – И он погладил длинным пальцем усы.

Принцесса и негодяй

Глава 3

– Значит, ты не будешь герцогиней? – Маргарет сидела, скрестив ноги, на кровати Изабелл, задумчиво накручивая на палец длинный локон. Обе девушки были в ночных рубашках, только рубашка Изабелл была тонкой и украшенной лентами и кружевом. На Маргарет же была простая короткая рубашка из белого хлопка.

Изабелл плюхнулась на кровать рядом с сестрой.

– Надеюсь, что нет. – О, она надеялась на это всей душой! – Родители в бешенстве, но если новый герцог откажется жениться, они ничего не смогут сделать. По крайней мере, я так думаю. – Она легла, раскинула руки и уставилась в потолок. – Интересно, существует ли что-то вроде ярмарки «почти герцогинь»? Думаю, родители могли бы выручить за меня неплохую сумму. Теперь я даже отработала – можно сказать, довела до совершенства – обычный наклон головы, выражающий целую гамму чувств: «да, я знатнее вас, но я слишком вежлива, чтобы заявить это открыто, хотя мы оба знаем, что это правда». – Она сморщила нос и хихикнула. – Столько глупых уроков, столько мучений, чтобы в один прекрасный момент выяснить, что герцог, которому предстояло стать моим супругом, и не герцог вовсе.

«Спасибо тебе, Господи, за эту великую милость!»

Маргарет легла рядом.

– Ты думаешь, граф позволит новому герцогу так легко сорваться с крючка? – Она перестала называть их общего отца отцом, услышав, как он сказал, что она не стоит тех средств, которые тратятся на ее содержание, ведь у нее нет красоты сестры. Отсюда и отсутствие украшений на ночной рубашке.

У Изабелл сжалось сердце. Это ощущение стало ее постоянным спутником после того, как ее три года назад проинформировали о будущей судьбе.

– Не знаю. Надеюсь, новый герцог Гейдж не станет потакать амбициям наших родителей. Мне ничего о нем не известно. Знаю только, что его зовут Николас Смитфилд, и он не женат. Ах, как жаль, что он не женат! В противном случае родители уж точно ничего не смогли бы поделать.

– Николас Смитфилд? – Маргарет села и уставилась на сестру круглыми глазами. – Николас Смитфилд, – повторила она, но на этот раз произнесла оба слова по слогам. – Не могу поверить!

Сердце Изабелл сжалось сильнее.

– Да, так его зовут. Тебе что-то о нем известно?

Маргарет засмеялась, и Изабелл стало немного легче. Сестра не была бы такой веселой, если бы знала о новом герцоге что-то по-настоящему ужасное.

Хотя, прекрасно изучив сестру, она могла предположить, что Маргарет была бы в восторге, если бы новый герцог, к примеру, был непроходимым тупицей, или, скажем, ненавидел женщин, имена которых начинались с гласных.

– Только одно: он чрезвычайно популярен у дам полусвета, если ты понимаешь, о чем я говорю, – выпалила Маргарет и подмигнула.

– Откуда тебе известно о дамах полусвета? – удивилась Изабелл. – И кто мог рассказать тебе такие вещи о герцоге?

Выражение лица Маргарет сделалось надменным.

– Не думай, что девушки, которые еще не выходят в свет, глухие и слепые.

– Ты всегда знаешь больше, чем я. – Изабелл вздохнула. Именно Маргарет первой рассказала ей о сделке отца с герцогом, так что когда Изабелл призвал к себе отец, чтобы поставить перед фактом, она уже успела выплакаться и в его присутствии сохраняла ледяное спокойствие – ничего другого родители и не ожидали от старшей дочери.

– Да, это так. – Маргарет довольно улыбнулась. – Понимаешь, у сестры моей подруги Гарриет в прошлом году был дебют. Она рассчитывала, что мистер Смитфилд – твой новый герцог – попросит разрешения за ней ухаживать. Ей показалось, что она ему понравилась. Но только он не предпринял никаких шагов. Тогда на горизонте появился лорд Кавенот, и сестра Гарриет приняла его ухаживания, но продолжала следить за мистером Смитфилдом и всегда все о нем знала. Понятия не имею, откуда это узнала сестра Гарриет, но ее родители не были в восторге от перспективы получения в зятя мистера Смитфилда, так что, вероятно, доля правды в слухах о нем есть.

– Он не мой герцог, – возразила Изабелл. «Во всяком случае, я на это рассчитываю».

– Граф сказал тебе, чего ждать? – Голос Маргарет был не слишком радостным. Изабелл очень сожалела о том, что у сестры нет никаких иллюзий, и она точно знает, что думают родители о своей младшей дочери.

Не то чтобы они много думали о старшей, но ей они, по крайней мере, уделяли внимание, даже если это внимание обычно выражалось в виде замечаний.

Маргарет не знала и не могла знать, что однажды Изабелл попыталась взбунтоваться. Тогда мать пригрозила отослать Маргарет в деревню, лишит ее дебюта и шанса встретить джентльмена, который мог бы оценить неиссякаемое чувство юмора сестры и ее радостную улыбку.

После этого Изабелл больше никогда не перечила родителям.

– Нет, – тихо ответила она. – Он мне ничего не говорил.

– Герцог Гейдж, милорд, – торжественно проговорил Лоутон, поклонился и отступил в сторону, чтобы пропустить гостя.

Изабелл опустила глаза. Она надеялась, что если не видит человека, значит, его не существует.

Это никогда не работало даже в сказках, но хотя бы на несколько минут можно притвориться?

– Ваша светлость. – Отец шагнул навстречу гостю. Изабелл почувствовала, как локоть матери врезался ей в ребра, и встала. – Позвольте вам представить мою супругу, графиню Гросстон, и мою дочь, леди Изабелл Соуфорд.

Изабелл подняла голову, когда почувствовала, что ее лицо приняло обычное бесстрастное выражение. Увидев гостя, она пожалела, что Маргарет не поделилась с ней еще одной важной информацией. Новый герцог Гейдж был удивительно красив.

Изабелл имела немаленький рост, но герцог был значительно выше нее. Он возвышался даже над ее отцом, который был выше среднего. У нового герцога были русые волосы, зачесанные назад, пронизательные голубые глаза, взгляд которых сейчас был направлен на нее, аристократический нос, высокие скулы и тяжелый подбородок. Его взгляд, казалось, проникал в душу, а осанка была воистину королевской. С такой надо родиться. Ее невозможно приобрести, неожиданно став герцогом.

Его фигура тоже была великолепной. Широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги. Его брюки так плотно прилегали к телу, что это выглядело почти неприличным. Хотя, возможно, это лишь казалось неприличным, поскольку он был до мозга костей мужчиной – красивым, чувственным, сильным. И в его присутствии было трудно не думать о неприличных вещах.

Новый герцог был очень просто одет. На нем не имелось никаких украшений, до которых был так охоч прежний герцог. Но этому мужчине не требовались украшения. Строгость его одежды лишь подчеркивала броскую чувственную красоту его лица.

Не удивительно, что некоторые дамы находили его интригующим. Довольно трудно представить себе даму – и не только полусвета, – которая не задержала бы на нем взгляд. И не единожды.

В этот момент Изабелл смотрела на гостя во все глаза. Как и он на нее.

– Рада познакомиться, – пробормотала она. Герцог слегка поклонился, но так и не отвел от нее взгляд.

– Изабелл, прошу нас извинить. Герцогу и мне необходимо обсудить несколько деловых вопросов. – Отец даже не стал дожидаться ее реакции. Он сел и жестом предложил гостю сделать то же самое.

– Изабелл! – Теперь голос отца стал раздраженным. Обычно все его приказы выполнялись с первого раза. Но Изабелл никак не могла отвести глаз от мужчины, словно она испытывала жажду, а он был источником чистой прохладной воды.

Нет, пожалуй, все-таки не воды, а густого ароматного ликера, вроде того, что употребляли древние боги перед вакхическими оргиями. Изабелл представила себе его вкус и покраснела. Ее почти никогда не посещали неприличные мысли.

– Конечно. Прошу меня извинить. – Выходя из двери гостиной, она споткнулась – она, которую обучали искусству хождения в танцевальных туфельках среди гроздей винограда и со стаканом воды на голове, споткнулась!

Герцог поддержал ее, и Изабелл почувствовала, как его прикосновение обожгло кожу. Она была уверена: стоит посмотреть на свою руку, и она непременно увидит красный отпечаток, хотя его прикосновение длилось не больше секунды, и его рука была в перчатке.

О господи! В общем, что бы ни случилось, придется ей выйти за него замуж или нет, она горько пожалеет. В этом можно было не сомневаться.

Николасу хотелось крикнуть «браво!» и заплодировать блестящему тактическому ходу графа. Тот ясно показал, что он потеряет, если откажется от сделки.

Потому что дочь графа была прелестна. Она оказалась такой красивой, что если долго смотреть на нее, станет больно глазам. У нее были темные волосы, уложенные в элегантную прическу, открывавшую грациозный изгиб шеи, огромные темные глаза и рот... ох, уж этот рот! Воплощение греха. Чувственные полные красные губы... Николас немедленно представил, какие чудеса они могут творить, и понял, что непозволительно отвлекся.

Вероятно, у него слишком сильно разыгралось воображение.

Ее тело тоже было выше всяких похвал. Округлые полные груди, тонкая талия, соблазнительные бедра. Николас за долгие годы практики хорошо умел оценивать женские фигуры, независимо от количества слоев одежды, которыми они были скрыты. Но здесь его умение не пригодилось. Ее платье было сшито так, чтобы показать ее фигуру в самом выгодном свете. Низкое декольте открывало изрядную часть груди. Рисунчатая ткань обтягивала верхнюю часть тела и от талии расходилась в широкую юбку, соблазнительно покачивающуюся при ходьбе.

Дочь графа была выше, чем большинство знакомых Николасу женщин, и, естественно, это сразу навело его на мысли о возможностях, которые открылись бы перед ними в постели.

Он мог восторгаться ею и считать ее пределом своих мечтаний (в данный момент), однако нельзя забывать, что он прибыл сюда с целью освободиться от сделки, обязывающей его на ней жениться. И неважно, насколько она хороша. У него полно женщин – пусть не таких красивых, как она, но все же... И он так и не нашел ту единственную, с которой хотел бы провести остаток своих дней. А минутное восхищение – не повод связывать себя с незнакомой женщиной навсегда.

– Присаживайтесь, ваша светлость, – сказал граф.

Николас сел, склонил голову и внушительно проговорил:

– Итак?

Этой тактике ведения переговоров он научился у отца, который никогда не упускал возможности расспросить Николаса о том или ином предмете. Молчи, пока твой собеседник не выболтает больше, чем намеревался, просто чтобы заполнить паузу.

– Суть в том, ваша светлость, что герцог Гейдж – тот, который носил этот титул до вас...

– Я знаю, кто это был, нет необходимости тратить мое и ваше время на такие подробности. – Это уже была тактика, придуманная лично Николасом. Надо уметь сбить собеседника с мысли.

Граф скрестил руки на груди. Выражение его лица было строгим, почти неприязненным, словно Николас, став очередным герцогом, сделал что-то предосудительное.

– Суть в том, что я истратил значительную сумму денег. И, согласно договоренности, герцог должен был в конце сезона жениться на моей дочери. Ее мать и я... – При этом его тревожный взгляд метнулся на графиню, и для Николаса все сразу стало на свои места. Это она стоит за идеей брака. И, судя по решительному выражению ее лица, она готова идти до конца.

– Мы вложили крупный капитал и потратили много времени на то, чтобы получить завещание, что наша дочь станет герцогиней Гейдж. – Графиня говорила уверенно и надменно, и Николас поневоле поежился. Эта женщина подавляла и пугала его, но, одновременно, восхищала. Ее не сбить с мысли.

– Вы же видите, в каком я оказался положении. – Николас развел руками. – Я узнал не только о том, что стал герцогом, но и о существовании будущей герцогини. Не кажется ли вам, что все это нелегко переварить за двадцать четыре часа?

– Конечно, – сказал граф.

– Конечно, – одновременно с ним проговорила графиня. – Но дело в том, что наша договоренность основывалась на честных намерениях, и мы считаем, что все условия должны быть выполнены, даже если изменился состав участников. – Николас мысленно вознес молитву небесам, чтобы у дочери графини оказался не такой ужасный характер.

Он подался вперед, облокотившись локтями о колени.

– А что если я откажусь от титула? Вместе со всеми обязательствами? – До этого момента такое решение не приходило ему в голову, но сейчас ему показалось, что петля, сделанная из земляничных листьев герцогской короны, начинает смыкаться вокруг его шеи, грозя изменить его навсегда.

А Николас себе нравился таким, каким он был. Какой он есть.

Грифф, конечно, будет возмущен отказом брата от титула. Но если к титулу прилагается жена и такие родственники... нет уж, увольте.

– Вы этого не сделаете. – Граф говорил так, словно не мог поверить в серьезность намерения новоявленного герцога рассмотреть такую возможность. В нормальной ситуации Николас согласился бы с ним – кто станет отказываться от такого высокого титула лишь потому, что к нему прилагается супруга? Большинство мужчин – возможно, все мужчины – женились бы на прилагаемой к титулу женщине и продолжали вести жизнь, к которой привыкли. Но Николас хорошо себя знал и понимал, что не сможет унижить жену таким образом, кем бы она ни была.

– Могу, – спокойно ответил Николас. – Не то чтобы ваша дочь показалась мне непривлекательной – возможно, она самая прекрасная женщина, которую я встречал, – но мне не нравится, когда мне выкручивают руки.

Произнеся эти слова, он замолчал. Ждать пришлось недолго.

Графиня подняла голову, и их взгляды встретились. У нее были такие же темные миндалевидные глаза, как у дочери. Сходство сделало петлю еще теснее.

– А вы подумали, как это скажется на герцогстве? Мне представляется, что вы проявите непозволительную поспешность, ваша светлость, или эгоизм, потому что готовы рисковать не только своей репутацией, как человека чести, но также и титулом, который существовал несколько сотен лет. Что, по-вашему, подумает наша молодая королева, если вы совершите столь неблагоприятный поступок? Вы уверены, что вас будут принимать в приличном обществе? – Она фыркнула, словно точно знала, что общество, в котором вращался Николас до получения герцогства, не было приличным. – Неужели вы думаете, что мы пригласили бы вас

сюда, если бы хотя бы на мгновение усомнились в подлинности новых документов? – Она покачала головой. – Вы не тот, кого мы предназначали в мужа нашей дочери, но вы обладатель титула, нравится вам это или нет. Вы примете титул и женитесь на Изабелл, или... – Невысказанная угроза повисла в воздухе.

Николас вполне представлял возможные последствия. Если он продолжит упорствовать, то, скорее всего, обесчестит себя, Гриффа и поставит под удар все предприятия и людей, зависящих от герцога Гейджа. Королева Виктория разозлится на него. Все представители общества будут знать о его отказе от герцогства, и его жизнь наполнится скандалами, а репутация будет безнадежно испорчена, и ничего уже нельзя будет изменить.

Всего этого можно избежать, согласившись на женитьбу.

О чем тут думать? У него нет выхода. Николас это понимал, хотя от охватившей его злости ему стало трудно дышать.

– А что думает об этом ваша дочь? – угрюмо осведомился он.

– Она не станет возражать. Изабелл понимает, что соглашение обязательно для выполнения обеими сторонами. Это юридически обязывающий договор, можете не сомневаться.

К такому же выводу пришел Грифф, проведя несколько часов над документами. Только Грифф не говорил таких умных слов. Он только помрачнел и похлопал брата по плечу.

Именно тогда Николас понял, что ничего нельзя сделать. Но все равно он не мог не попробовать. Он должен был убедиться, что его будущие родственники непреклонны, и их нельзя сбить с толку доводами, блефом или чем-нибудь иным.

Что ж, вопрос ясен. Оставалось только надеяться, что его будущая жена не взяла у родителей, и особенно у матери, слишком много черт.

Вздыхнув, Николас кивнул.

– Тогда нам остается только обсудить свадьбу.

Ему очень хотелось вернуться во вчерашний день, когда единственное решение, которое ему следовало принять, – какая из трех прелестниц будет первой.

Из неопубликованного романа с продолжением

Повелительницы Тайн

– Я не верю своим ушам, – сказала она и встала.

Идущая рядом монашенка окинула ее странным взглядом. Неужели ее уже запятнало то зло, которое, как она чувствовала, волнами исходило от него? Или это было ее воображение?

Он достал из кармана лист толстого тяжелого пергамента: черные чернила – черные, как его волосы и глаза, – на блестящей кремовой поверхности.

– Здесь все написано, моя милая. Ты теперь моя.

Принцесса и негодяй

Глава 4

Когда кулак противника врезался ему в челюсть, Николас получил настоящее удовольствие. Было, конечно, больно, чертовски больно, но вместе с тем очень убедительно и по-настоящему. Николас точно знал, что здесь он может контролировать ситуацию.

В отличие от всей своей остальной жизни.

Он позволил боли ослепить его, закрыл глаза и с шумом втянул воздух через нос, чувствуя, что гнев распространяется по его телу так же быстро, как кислород.

– Достаточно? – спросил Флинн, приплясывая перед ним. Он на протяжении всего поединка приплясывал, дразнил и насмехался над своим соперником, и Николас позволял ему это, зная, что конец все равно наступит – так бывает всегда. Но ему хотелось, чтобы поединок продлился как можно дольше, потому что когда он завершится, все будет кончено. Возврата не будет.

Это как соитие, подумал Николас: предвкушение намного лучше итога. Куда приятнее с нетерпением ожидать, чем видеть своего партнера на полу (или на кровати, в зависимости от того, о каком роде деятельности идет речь). Он жил ради игры, ради схватки, не важно, между двумя равными по силе бойцами или двумя (или больше) хорошо подходящими друг другу любовниками.

– Никогда не бывает достаточно, – ответил он, отвел руку назад и замахнулся. Он метил в живот Флинна, в область прямо под руками противника, которыми он прикрывал сердце.

Интригующее совпадение: Николас никогда не защищал сердце – ни в боксерском поединке, ни в любви.

Может быть, именно в этом заключается проблема?

Пожалуй, он слишком много думает, вместо того чтобы боксировать – на этой мысли Николас поймал себя как раз перед тем, как получил сильнейший удар в живот, сбивший его с ног. Однако он сумел сразу встать и спокойно встретить насмешливый взгляд Флинна.

Противник Николаса тоже был завсегдатаем боксерского клуба. Они не раз встречались на ринге, и Николас часто выигрывал. Флинн был ниже ростом, жилистый и подвижный. Хороший боец, если не отвлекался на болтовню.

– Неплохой удар, – заметил Флинн. – Говорю это без ложной скромности.

Николас выбрал именно этот момент, чтобы нанести ему быстрый и мощный удар в челюсть. Голова противника откинулась назад, глаза удивленно округлились.

Флинн определенно был жертвой своей болтовни. Или отчаяния Николаса из-за собственной неспособности контролировать свою жизнь за пределами ринга.

Николас не стал спрашивать Флинна, каким он считает его удар, хорошим или не очень. Негоже становиться жертвой той же, что у его противника, слабости. Вместо этого он сосредоточился на завершении работы, нанося удар за ударом в грудь и живот Флинна, пока тот не поднял затянутые в перчатки руки в знак капитуляции.

– Хороший бой, – проговорил Николас, наблюдая, как Флинн трясет головой, словно желая ее прочистить.

– Согласен. Давай попробуем еще раз, когда ты не будешь так обозлен, – ответил Флинн, затем потер рукой подбородок и подвигал нижней челюстью. – Что у тебя в перчатках? Кирпичи?

Николас поморщился.

– Извини, это было слишком.

Флинн пожал плечами.

– Ничего подобного. Все нормально. Я вполне способен доставить тебе немало неприятных минут, прежде чем ты со мной покончишь.

– Николас! – Новоявленный герцог обернулся на голос брата. Гриффа всегда пленял ринг, особенно, когда на нем дрался Николас. Вероятно, его интересовало, какими способами мужчины избавляются от излишней агрессии, или что-то в этом роде.

– Грифф, ты хочешь быть следующим? – Николас принял боксерскую стойку. – Буду рад выбить из тебя душу.

Грифф закатил глаза и, поднырнув под канат, вышел на ринг.

– Не сомневаюсь, поэтому я предпочитаю оставаться в библиотеке. – Он нахмурился. – С тобой все в порядке? – поинтересовался он, с сомнением глядя на лицо брата.

Странно, Николас даже не заметил, что у него пошла кровь из носа. Оставалось только надеяться, что все лицевые кости целы.

– Все хорошо. Помоги мне вытереть руки. – Грифф достал из нагрудного кармана платок и аккуратно стер кровь с костяшек пальцев брата.

– Ты ходил к ним? – спросил Грифф и, словно Николас мог не понять, о ком идет речь, уточнил: – К графу и его семейке?

– Да.

Грифф нахмурился.

– Все так плохо?

– Да. – Даже если его невеста – самая прекрасная женщина Англии, не он ее выбрал. Она наверняка не та единственная. Нет, он точно знал, что она – не та. Как может быть иначе, если он ее так давно искал, но так и не нашел?

Правда, теперь у него не было выбора.

– А как выглядит твоя невеста? Ты ее видел?

– Да. – Николас фыркнул. – Она красива. Даже очень. Но я не хочу жениться сейчас, когда на меня навалилось так много всего.

Грифф покачал головой и щелкнул языком.

– Мне очень жаль. Быть может, тебе стоит подумать об отказе от титула? Тогда они не пожелают видеть тебя мужем своей дочери. – Грифф аккуратно перевязал платком правую руку брата.

– Все не так просто. – Николас поморщился, когда брат приступил к осмотру его челюсти и носа. Похоже, все кости целы, но больно, чертовски больно!

Они повторяли одни и те же действия уже больше десяти лет, с тех пор, как Николас впервые вышел на ринг и обнаружил, что бокс – единственный способ – ну, один из двух способов, но ко второму невозможно прибегать безостановочно – избавления от постоянного беспокойства и тревоги. Грифф всегда его сопровождал, и Николас находил его заботу приятной, правда, лишь после того как он выплескивал всю злость и энергию на ринге.

Вспомнив о встрече с родителями леди Изабелл, Николас осознал, что в данном случае и злости и энергии у него еще осталось в избытке.

– Если я откажусь от титула – а я, честно говоря, не знаю, позволено ли кому-то отказываться от титула? – кто станет герцогом? Ты? Но тогда у предыдущего герцога появится повод требовать возвращения титула ему. По крайней мере, я так думаю. Вопрос будет передан на рассмотрение палаты лордов, и они будут обсуждать его годами, а тем временем люди, зависящие от герцога, – фермеры, рабочие – будут страдать. – Николас сокрушенно вздохнул. – Не говоря уже о том, что королева будет недовольна. Я не могу пойти на такой риск только потому, что меня не спросили, хочу ли я жениться или нет.

– О! – Грифф взял рубашку Николаса и передал ее брату. Он скрестил руки на груди и, дождавшись, когда Николас начнет надевать рубашку через голову, заговорил. – Должен сказать, я восхищаюсь тем, что ты делаешь.

Николас под рубашкой фыркнул.

– Тем, что я женюсь на красивой аристократке?

Грифф медленно покачал головой.

– Нет. Ты умеешь предвидеть вероятные последствия своих действий и выбрать направление, которое будет лучшим для большинства людей, даже если оно не будет лучшим для тебя.

Николас ощутил комок в горле.

– Спасибо, – буркнул он. – Ладно, поехали домой. Нам надо позаботиться о герцогстве. – «И о невесте тоже», – подумал он.

Пока Николас приводил себя в порядок, постепенно становясь похожим на джентльмена, а не на драчуна, братья молчали. А о чем, собственно, им было говорить? Вроде и так все ясно. Они вышли из клуба, и Николас сразу почувствовал, что тяжелый груз, от которого он на время избавился на ринге с Флинном, вновь на него навалился. А потом он услышал голос, полный несдерживаемой ярости.

– Смитфилд! – Голос был незнакомым, чего, увы, нельзя было сказать о тоне, который буквально сочился презрением. Таким тоном к нему обращались те, кто считал его всего лишь повесой. Бабником.

Тогда ему приходилось поправлять заблуждающихся, объяснять, что он не только повеса, но и боксер, и больше они к нему в подобном тоне не обращались.

Николас остановился на дорожке. Грифф замер справа от него. Им навстречу быстро шел высокий мужчина с красным от ярости лицом. Его глаза метали молнии. Люди, имеющие меньшие габариты, вероятнее всего, отступили бы. Более мудрые, наверное, тоже.

Николас имел не менее внушительные размеры, и мудрецом, судя по всему, его нельзя было назвать.

– Ты не получишь его, – выкрикнул мужчина, ткнув Николаса пальцем в грудь. – И не получишь ее.

Разумеется, Николас сразу понял, кто находится перед ним и что он имеет в виду.

– Насколько я понимаю, бывший герцог Гейдж? – с нарочитой медлительностью, усмехаясь, спросил он.

– Не бывший, ты, ублюдок! – выплюнул мужчина.

На это Николас позволил себе довольно громко хихикнуть.

– Судя по всему, ублюдок – это именно вы, милейший. По крайней мере, на это указывают документы.

Ему не нужна была подсказка Гриффа, чтобы понять: сейчас последует удар. Да и, честно говоря, ударов ему на сегодня уже хватило. Поэтому он перехватил руку драчуна, завел ее ему за спину и прошипел:

– Послушай, ты! Можешь оспаривать что хочешь, сколько твоей душе угодно, но подумай, если у тебя есть мозги. Ты хочешь вытащить наружу все грязное белье? Свое, между прочим. Ведь мы оба знаем, что все законно. Барристеров еще никто и никогда не обвинял в опрометчивости, так что они располагают железными доказательствами. – А Николасу отчаянно хотелось, чтобы они ошибались. По крайней мере, когда речь шла о документах, подписанных этим герцогом Гейджем, и взятых им на себя обязательствах.

– Я обращусь в суд, можешь не сомневаться, – заявил мужчина, побагровев еще сильнее.

Николас придвинулся к нему ближе и шепнул:

– Действуй. А я подожду.

С этими словами он отпустил руку мужчины, и тот побрел назад, бормоча проклятья. Николас и Грифф проводили его глазами.

– Он не собирается легко отказываться от титула, – сообщил Грифф.

Или от нее.

– А ты бы отказался? – усмехнулся Николас, поправляя жилет.

Из неопубликованного романа с продолжением

Повелительницы Тайн

– А как ваши люди относятся к тому, что я стану принцессой? – Джейн находилась в гостиной дома своих родителей, куда принц только что вернулся после обсуждения с ее отцом деталей свадьбы.

На улице лил дождь, сильный ветер бил в окна, раскачивающиеся деревья отбрасывали длинные подвижные тени на пол гостиной. В сердце Джейн тоже шел дождь.

– Они довольны, – ответил он вкрадчивым голосом, от которого у нее по всему телу побежали ледяные мурашки. Ах, если бы она только могла выбраться из ужасной ситуации, в которой оказалась, избавиться от этого страшного человека! Но она женщина, у нее нет ни средств, ни возможностей, и ей нечего противопоставить его упорному преследованию.

Ах, если бы ей кто-нибудь пришел на помощь!

В этот момент раздался стук в дверь.

Принцесса и негодяй

Глава 5

Изабелл сидела так, как ее учили – прямая спина не касается спинки стула, руки сложены на коленях, ноги сведены вместе. Она только позволила себе в качестве своеобразного маленького личного бунта смотреть в окно, а не на мать, которая как раз вещала раздраженным голосом.

– Вы с герцогом поженитесь через две недели. Церемония пройдет в соборе Святого Павла, после чего твой отец и я устроим свадебный завтрак. – Женщина пренебрежительно фыркнула. – Думаю, ты пожелаешь, чтобы твоя сестра во время церемонии находилась рядом с тобой. – Графиня не стала ждать ответа, что было большой удачей. Дело в том, что с момента появления нового герцога Изабелл была не в состоянии вести нормальные беседы, разве только поздно ночью с Маргарет. Да и тогда Маргарет приходилось тратить немалые усилия, чтобы заставить сестру изъясняться полными предложениями. Большинство из них начиналось одинаково: «Что же мне делать» – и сопровождалось всхлипываниями.

Изабелл уже свыклась с мыслью о браке с *тем* герцогом, хотя он и был в высшей степени непривлекательным человеком, но потом ей было даровано несколько часов восхитительной свободы, которые сделали для нее невозможной мысль о браке и с *этим* герцогом.

Пусть этот герцог удивительно красив – отрицать этот факт было бы глупо. Но это было единственное, что она о нем знала. Кроме того, ей было отлично известно, что ее мать в молодости была потрясающей красавицей – она и сейчас внешне очень привлекательна. Однако как оказалось, внешняя красота вовсе не является показателем красоты внутренней и никак не связана с духовным миром человека.

– Ты меня слушаешь, Изабелл? – Голос графини был резким и недовольным. Подразумевалось, что когда она говорит, покорная дочь должна смотреть на свою мать. Будучи послушной дочерью, Изабелл уставилась на нее. Они сидели в гостиной графини. Та говорила громким недовольным голосом, одновременно что-то записывая или просматривая другие записи. Изабелл прилагала героические усилия, чтобы не заорать во весь голос. Сидевшая рядом Маргарет время от времени похлопывала сестру по руке.

Спина Маргарет коснулась спинки стула.

– Да, мама. – Изабелл ненавидела себя ту, которой стала, благодаря постоянной муштре родителей. Она могла сказать без ложной скромности, что превратилась в совершенство. Идеальная леди, которая умеет безукоризненно выполнять то, что должна делать аристократка, – вести хозяйство, шить и вышивать, играть на фортепиано, говорить на трех языках, всегда быть безупречно одетой. Но глубоко внутри, там, где жила настоящая Изабелл, ее передергивало всякий раз, когда она была вынуждена угождать родительской воле.

Единственным человеком, понимавшим ее, была Маргарет, но сестра ничего не могла сделать – разве что изредка отпускать язвительные замечания, чтобы на несколько мгновений отвлекать внимание родителей, в первую очередь матери, от Изабелл. Как сейчас, например.

– Изабелл будет одета, как жертвенный агнец, или ей все же полагается свадебное платье? – поинтересовалась она.

– Маргарет, не будь душой. – Мать даже не подняла головы от бумаг, отказавшись заглядывать наживку. Она еще раз взглянула на свои записи и скривилась, словно они тоже ее разочаровали.

Что ж, по крайней мере, ее мать была последовательна. По мнению Изабелл, в мире не существовало ничего, что отвечало бы ожиданиям графини. Это относилось и к людям, и к неодушевленным предметам, даже к таким мелким, как бумага.

– Кстати, о твоём свадебном платье. Мне надо поговорить о нем с мадам Лафой. Пожалуй, я отправлюсь к ней немедленно. – Изабелл собралась встать, но мать жестом велела ей

оставаться на месте. – Нет никакой необходимости, чтобы ты ехала со мной. Ты будешь только мешать.

Разве не в этой фразе выражена суть отношения к ней матери? Дочь всегда мешает, если позволяет себе высказать свое мнение. Изабелл очень хотелось однажды сказать матери, что ей не нравится чай, который предпочитает графиня, она не слишком любит розовый цвет, и иногда ей хотелось бы самой выбирать рисунок для вышивки – розы ей уже давно осточертели.

Даже от мысленного произнесения слова «черт» она почувствовала себя виноватой. Жаль, конечно, что все это ее так сильно беспокоит. Но ведь она с самого рождения пыталась угодить родителям. Иначе она жить просто не умела.

Судя по всему, важно не то, кем она будет, если не станет герцогиней Гейдж. Главное, кто она сейчас?

– Изабелл! – Судя по озабоченному голосу сестры, Маргарет окликала ее уже не в первый раз.

– Что? – Изабелл нахмурилась. – Что случилось?

– Графиня будет отсутствовать не меньше двух часов. Ты не хотела бы погулять в парке? Изабелл прикусила язык, чтобы не сказать: «О, мне не следует никуда идти – я не спросила разрешения родителей».

– С удовольствием.

– Вот и прекрасно, – сказала Маргарет и сразу вскочила. – Сейчас тепло, так что нам не понадобятся даже шали. Можем просто идти.

Ах, если бы она могла просто идти!

Изабелл медленно встала, опасаясь сделать что-то опрометчивое, и одновременно взволнованная такой возможностью.

– Возможно, мы даже встретим твоего жениха. – Маргарет покосилась на часики, приколотые к корсажу ее платья. – Хотя, наверное, для него это слишком ранний час.

– Сейчас уже почти два! – воскликнула Изабелл, тоже бросив взгляд на часы. – Он наверняка уже встал. Но ты же понимаешь, что мне вовсе не хочется столкнуться с ним на прогулке. Маргарет пожала плечами.

– Насколько я слышала, новый герцог предпочитает вставать очень поздно.

– Тогда мне не следует волноваться относительно общения с ним после свадьбы. У нас будет слишком разное расписание, – вздохнула Изабелл.

Маргарет звонко рассмеялась.

Пока они гуляли по парку, Изабелл вполуха слушала сестру, продолжая думать о своем женихе. Она несколько раз встречала его – при всем честном народе, разумеется (и всегда вечером) – и он всякий раз принимался внимательно рассматривать ее таким пристальным взглядом, что ее бросало в жар, хотелось съежиться, спрятаться, а лучше всего провалиться сквозь землю, чтобы не быть объектом столь явного внимания. Но Изабелл понимала: поступи она так, и родители, особенно мать, устроят ей такое, что неожиданный жар в теле покажется ей меньшим из всех возможных зол.

Поэтому когда герцог обращался к ней, Изабелл покорно кивала и бормотала «да, ваша светлость», или «нет, ваша светлость», даже если его вопросы требовали чего-то большего, чем «да» или «нет».

По крайней мере, она не внушала ему ложных надежд относительно перспектив их брака, говорила себе Изабелл. А если он решит, что она – идиотка, и не пожелает на ней жениться, независимо от всех договоренностей с ее родителями? Что ж, это будет идеальным решением всех проблем.

Вот только было несколько моментов, когда они смотрели друг другу в глаза, и она могла поклясться: в самой глубине его внимательных глаз что-то было. Некая тоска, а может быть,

страстное желание. И тогда Изабелл хотелось прикоснуться к нему, погладить по голове и сказать, что он непременно найдет то, что ищет.

Только это не удерживало ее от отчаяния, впрочем, она не была уверена, благодарна она судьбе за это или совсем наоборот.

А через две недели она останется с этим мужчиной наедине. И станет его супругой на всю оставшуюся жизнь.

В бальном зале собрались сливки высшего общества, включая многих людей, желавших познакомиться с новым герцогом Гейджем. Но Николас высматривал только одну леди, судя по внешнему виду, напроочь лишённую каких бы то ни было эмоций.

– Кажется, она сделана из льда, – пробормотал Николас, провожая взглядом свою невесту, выходящую из зала. На ней было изумительное платье, в нужных местах подчеркивающее ее совершенную фигуру. А осанку и походку иначе как королевской назвать было невозможно.

– Возможно, она всего лишь застенчива, – предположил Грифф. Николас повернулся к брату и окинул его скептическим взглядом, заметив который, Грифф пожал плечами, словно говоря, что лучших предположений у него нет.

А это могло означать лишь одно: Грифф тоже считает, что эта леди – ледышка.

Братья провели весь день занимаясь всевозможными герцогскими делами, начиная от принятия решения, как лучше всего разместить погашенную ссуду, и кончая выдачей согласия на сооружение новой крыши на одном из герцогских амбаров. Между делом они побеседовали с претендентами на должность управляющего – прежний покинул свой пост вместе с герцогом.

Не говоря уже о том, что надо было позаботиться об обустройстве покоев герцогини. Его герцогини.

Он мог предоставить это появившемуся вместе с титулом персоналу, но почему-то, несмотря ни на что, невзирая даже на внешнюю холодность своей невесты, равно как и на то, что он сам не желал этого брака, Николас хотел выбрать все сам. Поэтому он предоставил Гриффу заниматься севооборотом, а сам начал принимать торговцев, доставивших ему образцы штор, покрывал, постельного белья, а также множество всяческих других вещей – Николас и не подозревал, что все это нужно иметь.

И, разумеется, нужна была удобная кровать – только это было для него важным.

Его раздражала холодность и отстраненность Изабелл, и все же он хотел ею обладать.

У него не было женщины с тех пор, как он стал герцогом. Времени и сил на развлечения не оставалось, да и не хотелось подвергать опасности свою репутацию. Впрочем, Николас мог приводить самому себе тысячи причин, мешавших ему вести привычный образ жизни, но истина заключалась в следующем: с тех пор, как он впервые увидел Изабелл, он не хотел другую женщину.

Он стремился к ней всем сердцем, считал дни и ночи до свадьбы, тщательно выбирал цвета, способные подчеркнуть ее природную красоту, и потому, в конечном итоге, ее спальня оказалась оформлена во всех оттенках розового цвета – от самого бледного до насыщенного цвета фуксии.

Грифф начал было подшучивать над братом, но благоразумно прекратил, заметив выражение его лица.

Свадьба должна была состояться через две недели. Ровно через две недели он избавит ее от одежд и постарается растопить лед, судя по всему, сковавший ее сердце.

И не важно, что в конечном счете сам он может оказаться в луже.

Из неопубликованного романа с продолжением

Повелительницы Тайн

– Здесь все не так, как там, где я жила раньше, – сказала она. И это была правда. Все вокруг было незнакомым. Над головой летали птицы с ярким

опереньем, люди носили одежды, подобные которым она никогда в жизни не видела. И рядом был он, ее супруг. Принц.

– Скоро ты привыкнешь ко всему, так же как и я. – Его голос был тихим и обещал нечто запретное, но сладостное. В ответ по ее телу пробежала дрожь предвкушения.

Принцесса и негодяй

Глава 6

– Иззи!

Услышав голос сестры, Изабелл поспешно вытерла слезы, откашлялась и постаралась, чтобы ее голос звучал нормально. Настолько нормально, насколько это возможно, с учетом того, что у нее завтра свадьба. Две недели пролетели незаметно, каждый день приближал ее к новому герцогу Гейджу. Уже завтра она станет его женой, покинет отчий дом и будет оттачивать свое совершенство на новом месте. Вот так.

– Входи! – сказала Изабелл и начала поправлять прическу, которая была приведена в беспорядок, когда она – совершенно недостойно герцогини – бросилась на кровать и разрыдалась.

Открылась дверь. Вошедшая сестра внимательно осмотрела комнату.

– Твой герцогский темперамент дал сбой, или случилось что-то непредвиденное? – осведомилась она. Изабелл виновато огляделась и убедилась, что за несколько минут ей удалось создать в комнате настоящий хаос. Заколки разбросаны по полу, подушки перевернуты, под туалетным столиком валяется ненавистная щетка для волос, которой каждый вечер следовало проводить по волосам ровно сто раз, не больше и не меньше.

В общем, все на своих местах.

Маргарет наклонилась и принялась собирать заколки, приговаривая:

– Миледи ничего не должна делать сама, о чем только она думала? – Маргарет, как всегда, удивительно точно удавалось подражать голосу горничной графини.

Она бросила булавки в кубок, стоящий на туалетном столике Изабелл, и с тревогой покосилась на сестру.

– Ты в порядке?

Ответить Изабелл не могла. Ее душили слезы. Но ведь с ней была Маргарет, которая единственная во всем мире могла понять, что она не может говорить, что она не в силах быть идеальной каждое мгновение.

– О, Иззи! – Голос Маргарет был полон искренней симпатии. Она села на кровать и крепко обняла сестру. Маргарет была маленькой и хрупкой, а Изабелл – высокой, так что поза была не слишком комфортной, по крайней мере физически, но будущая герцогиня сразу почувствовала себя лучше.

– Ты же можешь убежать, и тебе это известно. – Судя по тону Маргарет, идея вовсе не казалась ей безумной.

Изабелл издала звук, который, исходи он от другой, менее совершенной женщины, можно было бы счесть фырканьем или даже хрюканьем.

– Как же я убежу? – Она подняла голову, которую перед этим склонила на плечо сестры, для чего ей пришлось скрючиться. – Я же ничего не умею – только быть красивой, элегантной и совершенной. У меня нет никаких навыков и опыта. Ведь главное не убежать – надо еще выжить при этом.

Маргарет открыла рот, явно намереваясь запротестовать, но сразу закрыла его.

– Вот видишь. – А ей так хотелось, чтобы сестра нашла аргументы в споре и попыталась убедить ее, что все получится! Возможно, тогда Изабелл бы не чувствовала себя такой бесполезной. Если даже Маргарет, сестра, любившая ее больше всех на свете, не может придумать, как ей выжить, сбежав из дома, значит, она уж точно ни на что не пригодна.

– Он довольно-таки красив, – пробормотала Маргарет, не скрывая скептицизма. – По крайней мере, завтракая, ты сможешь смотреть на что-то приятное.

– Всю оставшуюся жизнь, – буркнула Изабелл и поморщилась.

– Ну, может быть, он устанет от тебя и оставит с детьми в деревне.

Изабелл выпрямилась и зыркнула на сестру.

– Утешила, называется.

– Что, по-твоему, я должна сделать?

Ничего. Теперь уже никто ничего не сможет сделать, даже сама Изабелл. Нет, в первую очередь, сама Изабелл.

Проблема не имела решения. Она мечтала хотя бы однажды возразить против того, что спланировали для нее родители и что они с ней сделали, осознав, что их дочь вырастет красавицей.

Если бы только ей позволили быть несовершеннолетней хотя бы разок, возможно, мысль о том, что она может попробовать быть таковой в этом браке, которого она ни капли не желала, не пугала бы ее так сильно.

А она желала быть настолько неидеальной, чтобы от нее можно было отказаться.

Однако Изабелл оставалась воплощением совершенства, а ситуация, в которой она находилась, – нет. И завтра она станет женой новоиспеченного герцога, о котором знала только два факта: он очень красив и у него нет герцогского опыта.

Она тоже очень красива (отрицать очевидное не имело смысла), и ее уже много лет учили быть герцогиней.

Все сказанное означает, что у них с ее будущим супругом есть только одна общая черта – внешняя привлекательность. Едва ли это может стать прочным фундаментом для совместной жизни.

– Иззи? – Сестра тронула ее за плечо. – Если ты несчастна, если считаешь, что жизнь в доме герцога будет еще хуже, чем здесь, скажи мне. Уверена, мы найдем выход.

Изабелл невесело хмыкнула.

– Единственное избавление от нежелательного брака, насколько мне известно, смерть. Лично я умирать не хочу. – Она сделала паузу. – И, возможно, я не хочу выходить за герцога, равно как и за кого-либо другого, но я не желаю ему смерти. Во всяком случае, пока я не узнала его поближе.

– Похоже, у тебя есть план, – встрепенулась Маргарет. – Тогда, может быть...

Договорить Маргарет не успела. Распахнулась дверь, и на пороге возникла графиня в вечернем платье, как обычно, с выражением недовольства на лице.

– Хорошо, что ты здесь, – сказала она, захлопнув за собой дверь. Неодобрение на ее физиономии сменилось твердой решимостью.

Изабелл почувствовала, как все внутри сжалось в тугий комок. Так всегда бывало, когда на лице матери появлялось подобное выражение, поскольку всегда оказывалось, что она, Изабелл, в чем-то виновата.

– Маргарет, ты можешь идти. – «Убирайся отсюда, Маргарет», – вот как это звучало.

– Нет, останься, Маргарет. – Изабелл никак не могла поверить, что посмела возразить матери.

Судя по выражению лица той, ей тоже было трудно в это поверить.

– Если желаешь. Хотя то, что я намерена сказать, не предназначено для ушей незамужних девушек, – заявила графиня, поджав губы.

– Тогда я тем более останусь, – заявила Маргарет, устраиваясь на кровати поудобнее.

Неожиданно Изабелл поняла, что это ее последняя ночь вместе с сестрой. Нет, они, конечно, будут видеться и в будущем, но только больше никогда не будут лежать в одной кровати, шепотом делясь самым сокровенным.

Маргарет, должно быть, почувствовала страдание сестры. Она всегда чувствовала ее настроение. А графиня уверенно расположилась в кресле рядом с кроватью и начала вещать:

– Есть кое-что, что тебе следует знать, Изабелл, выходя замуж, – провозгласила она, а Изабелл почувствовала, как все ее внутренности сжались еще сильнее. Что ж, утешила она

себя, если внутри все будет сжиматься так сильно и дальше, ей определенно не понадобится корсет.

Завтра все же наступило, хотя Изабелл всем сердцем желала, чтобы этого никогда не произошло. Она ничего не смогла съесть – только выпила чашку чая (приготовленного так, как велела графиня), и некоторое время гоняла вилкой по тарелке кусочки яйца. Хорошо хоть родители были слишком заняты, чтобы следить за ней. Ах, если бы только их невнимание было вызвано чем-то другим, а не днем свадьбы!

Ей позволили выйти к завтраку в пеньюаре – единственный раз, когда родители допустили несовершенство в ее одежде. Но дело в том, что ее свадебное платье было идеально белым – спасибо королеве Виктории, которая, очевидно, была уверена, что невеста ничего не прольет на платье в день своей свадьбы.

Мать Изабелл была женщиной осмотрительной, поэтому невеста и оказалась за завтраком в пеньюаре.

– Ты готова? – спросила Маргарет, прикоснувшись к изысканной прическе сестры. Горничная графини издала тяжелый вздох и что-то поправила в том месте, которого коснулись пальцы Маргарет.

– Думаю, что да. – Изабелл разгладила и без того лишенное каких-либо морщинок платье. Ей так хотелось провести еще хотя бы одну ночь дома с Маргарет – только с ней она могла быть несовершенной. Ах, если бы только ее миновало проклятие красоты!

Изабелл мысленно усмехнулась. Дурнушки мечтают стать красивыми, но у красавиц жизнь тоже не сахар.

– Экипаж ждет. Герцог тоже. – Голос графини опередил ее саму. Услышав его, Изабелл машинально выпрямилась и расправила плечи.

По крайней мере, этот герцог едва ли будет постоянно критиковать ее осанку. Значит, хотя бы один положительный момент в этом браке есть. Можно будет позволить себе ссутулиться... изредка.

– Иду, мама, – сказала Изабелл и в последний раз обняла сестру.

– Помни, – шепнула ей на ухо Маргарет, – если ты будешь несчастна, мы обязательно что-нибудь придумаем. – Изабелл поняла, что вот-вот расплачется, кивнула и отстранилась. Пусть ничего нельзя сделать, однако было приятно осознавать, что кому-то она небезразлична.

– Пора, девочки, – скомандовала графиня.

Изабелл вздохнула и переступила порог своей спальни.

Поездка до церкви оказалась мучительно короткой. Судя по количеству стоящих вокруг экипажей, сюда съехался весь цвет лондонского высшего общества, чтобы поглазеть на новоиспеченного герцога и на бракосочетание самой красивой лондонской пары.

Она вошла в церковь с отчаянно бьющимся сердцем, но, идя по проходу, не забывала держать спину прямой, а голову – высоко поднятой. Она направлялась к алтарю, где ее ждал человек, которому предстояло заботиться о ней всю жизнь.

*Из неопубликованного романа с продолжением
Повелительницы Тайн*

– Войдите. – Джейн повернулась в кресле, надеясь увидеть белого рыцаря, коня или по крайней мере посыльного, который доставит весть, что ей не придется пройти через все это.

– Добрый вечер, Джейн. – Он вошел в комнату, словно крадущийся хищник, его черные глаза, устремленные на нее, горели. Ей показалось, что она понимает, что он видит и о чем думает, и она вздрогнула.

– Я хотел отдать тебе это. – Он достал из кармана бархатный футляр, подошел к ней и открыл его. В футляре оказалось самое прекрасное

украшение, какое ей доводилось видеть. Он достал вещь из коробки и, сделав два шага, остановился у Джейн за спиной.

– Это ожерелье моей матери, – сказал он, обвивая нитью ее шею. Она почувствовала холод драгоценности. Его пальцы, застегнувшие ожерелье, тоже были холодными. – Оно будет на тебе на первом официальном мероприятии, в котором мы примем участие как муж и жена.

Она судорожно сглотнула и погладила ожерелье кончиком пальца.

– Спасибо, – едва слышно проговорила девушка.

Изысканное ожерелье показалось ей ошейником, за который он станет водить ее всегда.

Сможет ли она когда-нибудь его снять?

Принцесса и негодяй

Глава 7

Николас постучал и сразу открыл дверь, не дожидаясь ее ответа.

– О! – воскликнула Изабелл. Ее голос показался ему резким и каким-то неестественным. Не то чтобы он точно знал, как звучит ее голос. Ранее ему доводилось слышать от нее только междометья. Несколько фраз подряд в его присутствии она произнесла только один раз – повторяя за священником брачные клятвы у алтаря.

Он еще не понял, правильно поступил или нет, решив не уезжать из города на традиционный медовый месяц. С одной стороны, Николас с нетерпением ждал постельных утех, которыми, как правило, предаются молодожены в медовый месяц. Но, с другой стороны, он совсем недавно стал обладателем титула, и предстояло сделать еще очень много дел. Кроме того, он хотел сразу убедиться, что герцогиню Гейдж принимают в обществе с должным почтением, поэтому намеревался активно посещать светские мероприятия и наносить визиты, а не оставаться в уединении.

И вот он в ее спальне.

Изабелл сидела у туалетного столика, а ее горничная что-то делала с ее волосами.

– Вы сегодня больше не понадобится, – сказал Николас растерявшейся женщине. Та взглянула на Изабелл, которая молча кивнула.

– Прошу меня извинить, ваша светлость, – пробормотала служанка, затем быстро сделала реверанс и поспешила выйти.

Николас дождался, когда за ней закроется дверь, и занял то место, где горничная только что стояла, затем взял со столика щетку и протянул руку к волосам молодой жены. Изабелл вздрогнула и отпрянула, а у него сжалось сердце.

– Продолжайте, – очень тихо сказала она. – Вы просто меня испугали. – Она слегка наклонила голову, и он стал расчесывать ее волосы. Длинные черные пряди струились по ее спине, словно шелк. Удивительно, но красота ее волос изумляла. Николас никогда не обращал особого внимания на женские волосы, разве что они щекотали его грудь, попадали в рот или доставляли другие неудобства. Но ее волосы были великолепны. Ему хотелось немедленно зарыться в них лицом, а еще лучше, увидеть, как они укрывают ее нагое тело, когда она будет стоять перед ним.

Изабелл издала тихий стон удовлетворения, и этот звук привел в полную боевую готовность его естество. О господи! Если она станет издавать такие же звуки, занимаясь с ним любовью, возможно, этот брак окажется не таким уж ужасным. Даже несмотря на то, что ему ничего не известно о его супруге. Только то, что она сдержанна, красива и спокойна.

Эдакая грациозная кошечка, которой хочется ласки.

– Мне показалось, что церемония прошла хорошо.

Она впервые заговорила с ним первой.

Николас откашлялся и продолжил работать щеткой, хотя волосы уже были расчесаны идеально.

– Да. И свадебный завтрак был выше всяких похвал, – сказал он и мысленно обругал себя за бессмысленную реплику.

– Я не знала, что вы знакомы с герцогом Резерфордом, – продолжила Изабелл. – Его супруга – весьма необычная женщина, вы не находите?

Руки Николаса замерли.

– Герцог – один из моих лучших друзей, а его супруга – удивительно благородная и очень милая женщина. – Он не собирался говорить резко. Это вышло ненамеренно. И плечи Изабелл немного ссутулились, словно он нанес ей удар.

– Я не хотела оскорбить вас, ваша светлость, – неуверенно пробормотала она.

– Николас. Едва ли стоит называть меня «ваша светлость». Ты ведь тоже «ваша светлость». Это может привести к путанице.

– Хорошо, Николас. – Она подняла глаза и взглянула на его отражение в зеркале. – А я...

– Изабелл, я знаю. – Он положил щетку на туалетный столик и протянул ей руку ладонью вверх. – Пойдем в постель, Изабелл?

Она покорно кивнула, встала и положила руку на его ладонь. Николас повел ее к кровати. Он почувствовал аромат ее волос, уловил очертания нагого тела под ночной рубашкой, имевшей довольно-таки целомудренный покрой, но сшитой из полупрозрачной ткани и потому возбуждающей воображение. Возбуждение усилилось.

Пальцы Изабелл заметно дрожали.

– С тобой все в порядке?

– Да, ваша... Николас. Я в порядке. – Ее голос тоже дрожал.

Они подошли к кровати, и Изабелл подняла глаза. Ошибиться было невозможно. В ее прекрасных темных глазах затаился ужас.

Николас нахмурился.

– Ты совсем не в порядке, Изабелл.

Он усадил ее на кровать и остановился перед ней. Кровать была такой высокой, что ноги девушки, имевшей отнюдь не маленький рост, свисали, не касаясь пола.

Она упорно не смотрела на него. Ее взгляд был устремлен вниз, и Николас даже подумал, что ковер в спальне, пусть даже очень красивый, не требует такого пристального внимания.

Он опустился перед ней на колени и взял ее руки в свои.

– Что не так? Скажи.

Изабелл, наконец, подняла глаза. В них был страх? Вина? Беспокойство?

– Что я должна вам... тебе сказать?

– Что ты беспокоишься из-за нашей первой брачной ночи. – Он замолчал, не в силах подобрать нужные слова. Раньше ничего подобного ему делать не приходилось. Кроме того, для него был новым и другой аспект ситуации: впервые женщина не желала с ним соития. Николас решил не ставить жену в известность, что до нее все женщины с радостью отправлялись с ним в постель и были довольны. Вместо этого он попытался ее успокоить. – Я никогда... то есть я хотел сказать, что не сделаю ничего, что ты не захочешь.

Она снова опустила глаза. Возможно, ей все же очень нравится ковер. Николас выбирал его сам. Ковер был красивым – на розовом фоне крупные красные розы.

– Теперь я принадлежу вам... тебе, и ты можешь делать, что пожелаешь... Николас.

Новоявленный герцог ощутил гнев.

– Я никогда не принуждал женщин, Изабелл, и не намерен начинать со своей жены.

– Это мой долг, – проговорила она убитым голосом.

Его возбуждение не выдержало такого удара. Оно уже и без того уменьшилось, когда Николас осознал, что Изабелл, в отличие от него, не горит желанием заняться любовью, а теперь исчезло вовсе. Но чем еще можно заняться в первую брачную ночь? Уйти в свою комнату и завалиться спать?

Николас встал и огляделся. Впрочем, он и так знал, что здесь есть. Сам выбирал каждую мелочь.

– Извини, я ненадолго тебя оставляю. – Изабелл так и не оторвала глаз от ковра.

Николас вышел в коридор, а оттуда – в свою комнату. Он не желал напоминать супруге, что их комнаты смежные, и между ними есть дверь. Тогда она, вероятно, рухнет на ковер, чтобы было лучше видно.

– Ваша светлость! – воскликнул камердинер, вскочив с кресла, в котором мирно дремал.

– Можешь не вставать, Миллер, – отмахнулся Николас. Он получил Миллера вместе с титулом, поскольку его прежний камердинер неожиданно решил вернуться в деревню. – Я зашел за... вот этим. – И он взял с прикроватного столика газету.

– Я могу разглядеть ее, если хотите, ваша светлость.

– Не надо, и так сойдет. Так я возьму ее?

– Конечно, ваша светлость. – Миллер выглядел совершенно сбитым с толку. Судя по всему, от прежнего обладателя титула бедолага получал только жесткие приказы.

Николас похолодел, представив, что этот неотесанный мужлан, прежний герцог, мог провести первую брачную ночь с Изабелл. А потом его охватило бешенство – он вспомнил, как прежний герцог настаивал, чтобы она принадлежала ему.

– Через мой труп, – пробормотал он, выходя из комнаты. Перед дверью в спальню жены он немного помедлил, стараясь придать своему лицу успокаивающее и дружелюбное выражение. Никогда в жизни ему не приходилось успокаивать и проявлять дружелюбие к женщинам в постели, поэтому Николас понадеялся, что не выглядит идиотом.

Он вошел в комнату и убедился, что молодая жена сидит в точности в той же позе, в какой он ее оставил, и смотрит на ковер.

– Изабелл, я кое-что принес. Нам это сегодня пригодится. – Он поморщился, осознавая, что она могла его неправильно понять, и добавил: – Этим мы можем заняться вместе. – Проклятье, опять не то! – Если не возражаешь, пересядь, пожалуйста, в кресло. – Он указал ей на одно из пары кресел, стоящих в углу комнаты у окна.

Изабелл привыкла подчиняться. Она послушно встала и пошла именно к тому креслу, на которое ей указали. Почему-то все шло не так, как говорила ее мать.

Прежде всего, она была не в постели, а именно там, насколько ей было известно, мужчина и женщина вступали в близкие отношения. Кроме того, ее муж был вовсе не похож на похотливое животное, которое, получив от нее все, что ему нужно, могло тут же заснуть.

Вообще-то говоря, она не могла не признать, что он был с ней необычайно добр. Она ждала совсем не этого. Судя по тому, как он смотрел на нее, как расчесывал ее волосы, он намеревался ее соблазнить.

И если бы она не нервничала так сильно... Но ведь у нее так много поводов для волнений! Она совсем не знала будущего мужа, боялась допустить какой-нибудь промах во время церемонии и завтрака, опасалась, что теперь, когда ее нет в родительском доме, отец и мать будут несправедливы к Маргарет. И она впервые в жизни проводит ночь вдали от семьи! Если бы не все это, вероятно, ему бы уже удалось ее соблазнить.

Потому что, откровенно говоря, когда Николас прикоснулся к ней, не как к идолу, которому следовало поклоняться, а как к обычной женщине, нуждающейся во внимании и заботе, ей захотелось узнать о нем больше. Вблизи он выглядел даже лучше, чем издали. Едва заметная золотистая щетина на сильном подбородке, голубые глаза, меняющие цвет от совсем светлого до темно-синего, в зависимости от настроения, сильная шея и трогательно-беззащитное горло, напомнившее ей – как будто об этом нужно было напоминать, – что он, совершенно определенно, мужчина.

И все же он не требовал от нее исполнения супружеских обязанностей. Наоборот, он устроился в кресле напротив нее и развернул газету.

Быть может, ей следовало запастись какой-нибудь литературой для чтения в первую брачную ночь?

– Я об этом еще никому не говорил, – сказал Николас, и его тон вполне можно было назвать нерешительным, даже застенчивым, – но мне очень нравится читать публикуемые в газетах романы с продолжением, особенно те, которые подписаны «Повелительница Тайн». Я подумал, что могу прочитать один из отрывков тебе. Не возражаешь?

Неожиданный поворот.

– Разумеется, ваша... Николас. – Изабелл сложила руки на коленях и внимательно всмотрелась в его лицо. Он ответил мимолетной усмешкой, и она почувствовала – всего лишь на одно короткое мгновение, – что ей хотелось бы узнать, каков он в роли похотливого животного.

– У меня здесь нет начала истории, но суть в следующем: некую леди отец обещал принцу, и у нее не было выбора – пришлось согласиться. – На лице Николаса появилось смущенное выражение, словно он не сразу понял, что сказал.

Изабелл тоже застыла. Сказанное им было слишком близко к реальной ситуации, и он этого тоже не мог не заметить. Девушка понятия не имела, что ее супруг думает об их браке, и она никогда его об этом не спрашивала. Впрочем, какая разница? Даже если он скажет, что не желал его, дело уже сделано. Они женаты, и будут мужем и женой, пока один из них не умрет. Жизнерадостная мысль.

Да и она ни за что бы не осмелилась задать такой вопрос. Она даже не могла сказать матери, что предпочитает тот или иной цвет. Так что спросить почти чужого мужчину, какие он испытывает к ней чувства, у нее бы просто язык не повернулся.

– Впрочем, не будем читать, – сказал Николас и сложил газету. – Мне кажется, в одном из ящиков этого комода должны найтись карты. Мы можем поиграть.

Он встал. Его движения были быстрыми и элегантными. Изабелл уже успела забыть, какой он высокий. На нем был халат, завязанный, но неплотно, из-под которого выглядывала ночная рубашка, доходившая до середины икр. Надо же, какие у него, оказывается, привлекательные щиколотки!

– Вот, – произнес Николас. Он вернулся назад, сел в кресло и подвинул прикроватный столик так, чтобы он оказался между ними. – Я перетасую, а ты сдашь.

– Во что будем играть? – Если не считать игры, в которую они уже играли. Она называлась «Самый странный способ проведения первой брачной ночи».

Николас перебрал карты и вытащил из колоды одну – даму пик.

– Вот, во что будем играть. В «Ведьму». Сдавай.

– Мы будем играть... в «Ведьму»? – Мать не упоминала о карточных играх во время первой брачной ночи. О похотливом животном говорила, о боли и последующем дискомфорте тоже, а о карточных играх нет.

Интересно. Похоже, мать готовила из нее герцогиню, но не для этого герцога.

Возможно, брак – более интригующее мероприятие, чем она предполагала. Изабелл сдала карты и стала внимательно наблюдать, как его длинные пальцы перебирают сдачу, потом она позволила своему взгляду переместиться немного дальше – к раскрытому вороту его ночной рубашки. Она увидела светлые волоски на его груди, и у нее перехватило дыхание. Как будто это она – похотливое животное.

Ей стало трудно дышать, но было еще что-то. Изабелл чувствовала, что желает чего-то... но понятия не имела, чего именно.

В одном она была уверена: это связано с ним.

Она попыталась отбросить странные мысли и сосредоточиться на своей брачной ночи, которая включала карточную игру.

– Я не могу быть ведьмой. – Изабелл улыбнулась. – Я красивая. – Николас выиграл у нее уже пять раз, и ее неожиданно увлекла игра, в которую она не играла с пятилетнего возраста.

– Наверное, это немного неспортивно – постоянно выигрывать, – сказал Николас с самодовольной ухмылкой, намекавшей на то, что ему наплевать на победу. – Но теперь я герцог и должен привыкать к этому, разве нет? – Он говорил с очевидной иронией, но Изабелл ощутила весьма болезненный укол.

– Все в порядке, ваша... Все нормально, – тихо произнесла она. Пока они играли, она почти забыла, кем должна быть, кто он и каково отныне ее будущее.

Это были прекрасные мгновения беспамятства, но теперь она не могла не думать о том, как все это странно, и как будет потрясена ее мать. Наверное, об этом не следует говорить.

Николас нахмурился. Через несколько секунд он встал и протянул Изабелл руку – совсем как раньше, когда он только вошел в ее спальню. Быть может, они сейчас...

Она уставилась на его плечо, чтобы не смотреть на лицо, на котором могли отразиться его намерения. Ведь если его намерения станут очевидными... может быть, это не так уж плохо.

– Не надо леденеть, принцесса, – тихо сказал Николас.

Изабелл покосилась на его лицо и не увидела на нем ни похоти, ни жадности, ни даже желаний. На его лице было мягкое, даже доброе выражение, и она едва не разрыдалась.

– Ложись в постель. Ты устала, – проговорил он.

Николас подвел ее к кровати, откинул одеяло и жестом предложил ей лечь, и, когда она послушалась, укрыл ее одеялом до самого подбородка. Изабелл лишь растерянно моргала, гадая, кто этот мужчина, за которого она вышла замуж.

Он обошел кровать с другой стороны, снял халат и тоже лег. Изабелл успела мельком заметить только ногу, сразу скрывающуюся под одеялом. Николас повернулся к ней и устроился на боку, подперев голову рукой.

Пламя свечей отбрасывало причудливые тени на его лицо, делая его... опасно красивым. Она это видела, но ей казалось, что она заледенела изнутри, и поэтому ничего не чувствовала. Ничего, кроме беспокойства, что она будет недостаточно хороша... в том, что ей предстоит.

– Хочешь, я расскажу тебе историю? – спросил он.

Да, странности первой брачной ночи продолжались.

– Если хочешь, – ответила она. Уж что-что, а слушать она точно умела. Мать и этому не забыла ее научить.

Из неопубликованного романа с продолжением

Повелительницы Тайн

– Где ваши родители?

Их горячо приветствовали, и они двинулись во главе огромной процессии. В руках у Джейн были охапки экзотических цветов, подобных которым она еще никогда не видела.

А теперь они остались одни, и она смогла заговорить с ним. Очень уж ей хотелось раскрыть тайну своего нового супруга.

Лицо принца застыло. Джейн – теперь принцесса Джейн – затаила дыхание, ожидая ответа.

Наконец, он заговорил. Но не сказал ничего, что могло бы считаться ответом на ее вопрос.

– Их... здесь нет.

– О!

– Ты не станешь больше меня о них спрашивать, – ледяным тоном велел он.

– О! – повторила она, на этот раз тише. Она не сомневалась, что с ее мужем и его семьей связана какая-то тайна, но надеялась, что сможет раскрыть ее, не причинив ему боли.

Больше она не была в этом уверена.

Принцесса и негодяй

Глава 8

– А потом как-там-его-звали.

– Рыцарь, – тихо поправила она.

Он ухмыльнулся.

– Конечно, ты абсолютно права. Рыцарь и его друзья, включая короля Артура, решили, что должны отправиться в путь и совершать разные подвиги, получать знаки внимания от прекрасных дам на турнирах, одерживать победы в поединках и все такое. – Николас откашлялся. – Конец истории.

Изабелл лежала на кровати рядом с ним, сложив руки на животе. Она ни разу не пошевелилась. Не придвинулась к нему, но и не отодвинулась на край кровати. Впрочем, отодвинься она на край, могла бы свалиться на пол.

– Не думаю, – проговорила девушка после паузы, – что это подлинная история короля Артура и рыцарей Круглого стола. – Она издала некий звук, который Николас посчитал смешком, но не был в этом уверен, поскольку ни разу не слышал, как она смеется. – Во-первых, их целью было вовсе не получение благосклонности прекрасных дам. А во-вторых, король Артур не просто приложил небольшое усилие, чтобы вытащить меч Эскалибур – а не Сворди, как ты сказал – из камня. Это была магия. Он был королем.

Николас не мог не засмеяться. Ее голос звучал возмущенно, почти оскорбленно. Но самое главное, она больше не боялась. Он надеялся, что сумеет помочь ей расслабиться, полагая, что если не сумеет очаровать ее и соблазнить – а это было исключено, по крайней мере, этой ночью, – то хотя бы отвлечет, заставит не думать о том, что должно происходить между ними, переключив ее мысли на что-то менее пугающее.

Что касается ощущений самого Николаса, всем его существом владела только одна мысль: он в постели с молодой женой, на ней только тонкая ночная рубашка, а у него уже больше двух недель – новый рекорд! – не было женщины. И это восхитительное создание – его законная жена. Будь оно все трижды проклято!

Впрочем, последние слова, скорее всего, исходили от отдельных, самых мужских частей его тела, поскольку он сам не стал бы чертыхаться от безысходности. Или все-таки стал?

Ему приходилось снова и снова напоминать себе, что попытка овладеть ею сейчас, вероятнее всего, нанесет непоправимый вред будущему, их совместному будущему как мужчины и женщины, мужа и жены, Николаса и Изабелл, герцога и герцогини. Рассказчика и слушательницы.

– Прекрасно. Тогда завтра ты будешь рассказывать. – Николас затаил дыхание, ожидая ответ. Он знал, что им надо чем-то подытожить эту ночь, чтобы их брак имел надежду на успех.

– Тебе следует продолжать. Опыт приходит с практикой, – сказала Изабелл, и он улыбнулся.

– А теперь я пожелаю тебе спокойной ночи, – произнес Николас, затем наклонился и поцеловал жену в лоб. – Хороших тебе слов, Изабелл.

– С-спасибо, Николас.

Он встал, позволил себе бросить один последний взгляд на лежащую в постели женщину – она была неправдоподобно хороша и настолько близка к наготы, насколько надлежит быть аристократической девственнице в первую брачную ночь. А он уходил от нее, мягкой и теплой, в свою одинокую холодную постель, неудовлетворенный и...

И вместе с тем он чувствовал себя прекрасно. У него была надежда на будущее.

Изабелл никак не предполагала, что после ухода мужа почувствует себя одинокой.

Она должна была чувствовать себя объектом для удовлетворения животных страстей герцога, а он играл с ней в карты, рассказал нелепую историю и ушел, запечатлев единственный поцелуй на лбу. Так родители целуют перед сном свое дитя.

Она повернулась на бок и тронула рукой простыню, на которой лежал он. Та все еще хранила тепло его тела. Тогда Изабелл понюхала подушку. От нее исходил специфический запах. Его запах. Не то чтобы она знала, как он пахнет. Ей не приходилось его обнюхивать. Но так вроде бы не пах ни один предмет в ее спальне. Впрочем, чтобы удостовериться в этом, ей придется обнюхать все в спальне, а это было бы, по меньшей мере, странно.

Придется принять на веру, что это его запах. Поразмыслив, она пришла к выводу, что запах ей нравится: теплый, чистый и немного пряный, как сливовый пудинг.

Она услышала звук, и не сразу поняла, что это ее смех. Изабелл никак не ожидала, что будет смеяться в свою брачную ночь. Она ждала боли, слез и неловкости. И уж точно не ожидала, что останется одна. В общем, брак для нее пока состоял из одних только неожиданностей.

– Доброе утро, ваша светлость.

Изабелл моргнула и недоуменно воззрилась на завитки розового сатина на потолке. Это не ее дом. Это...

– О! – воскликнула она и приподнялась на локтях. – Доброе утро... – Она с ничуть не меньшим недоумением смотрела на женщину, стоявшую в изножье кровати, сложив руки на животе. Ее физиономия выражала вселенскую радость. Знать бы еще, как ее зовут.

– Робинсон, ваша светлость.

– Да, конечно. Доброе утро, Робинсон.

– Доброе утро.

Так они могут желать друг другу доброго утра до обеда.

Это было очень мило со стороны кого-то – наверное, Николаса – нанять для нее горничную. Изабелл никогда не нравилась ее горничная в доме родителей – она обо всем докладывала матери.

– Я принесла вам чай и печенье, испеченное кухаркой специально для вас.

Замечательно. Стадия приветствий пройдена, не прошло и пяти минут. Только теперь Изабелл ощутила голод. Ей несколько дней до свадьбы не давали нормально поесть, чтобы не испортить фигуру.

– Спасибо, я с удовольствием попробую.

Изабелл попыталась сесть. Горничная Робинсон вихрем метнулась к ней и стала помогать, подкладывая под спину подушки. По мнению Изабелл, никакой необходимости в столь повышенной активности, тем более, утром, не было.

– Почти девять часов.

Странно. Изабелл думала, что проспала дольше. Хотя ночью ей не пришлось особенно напрягаться, но день был утомительным.

– А герцог? Разве он не ждет меня к завтраку?

– Герцог уже ушел, ваша светлость.

Уже ушел? Куда? Только она не могла задать этот вопрос горничной. Это неприлично. Мать утверждала, что герцогиня должна вести себя так, словно все знает и ничему не удивляется.

Но даже ее мать была бы удивлена событиями первой брачной ночи новоявленной герцогини.

Нет, Изабелл вовсе не собиралась рассказывать о своем ночном опыте матери. Это не только неприлично. Она не имела желания рассказывать кому бы то ни было о том, что случилось или что не случилось.

Она даже не знала, какие чувства по этому поводу испытывает. Единственное, что она могла с уверенностью утверждать, – что теперь она испытывает намного больший интерес к мужу, чем в тот момент, когда впервые его увидела. Она взяла одно из печений из тарелки и откусила. Вкус был восхитительным. Внутри обнаружили яблоки, сахар и какой-то крем. Настоящий герцогский завтрак.

Продолжая активно жевать, Изабелл оглядела комнату. Ее комнату. Накануне вечером она, насмерть перепуганная ожидаемыми животными страстями своего супруга, не обратила на нее внимания.

Комната была очень просторной, как и полагалось апартаментам герцогини. В ней было почти так же много мебели и всяких безделушек, как в доме ее родителей. Несколько раз Изабелл юбками смахивала какие-то мелочи со столов на пол, вызывая гневную гримасу на лице матери. А комната очень приятная, удивленно подумала девушка. Наверное, это были покои матери прежнего герцога? Или прежний герцог поручил кому-то подготовить ее специально для нее? Едва ли он сделал это сам. Изабелл никак не могла предположить, что прежний герцог, какого бы низкого мнения она о нем ни была, обожал розовый цвет и его оттенки.

Подумав об этом, она хихикнула. Робинсон, убиравшая постель, оглянулась и улыбнулась. Изабелл едва не ответила ей улыбкой, но вовремя вспомнила, что герцогине не пристало улыбаться слугам.

По крайней мере, об этом всегда говорила мать, при этом добавляя, что герцогиня, особенно герцогиня Гейдж, должна быть учтивой всегда – и при королевском дворе, и у себя дома со слугами.

Герцогиня Гейдж. Теперь это она. Не леди Изабелл Соуфорд, и даже не идеальная дочь графа и графини Гросстон, а герцогиня Гейдж.

Что ей готовит будущее? Что станет с герцогиней Гейдж через месяц или через год?

– Еще только один раунд, я обещаю. – Николас сидел в углу боксерского ринга, а Грифф обмахивал его разгоряченную физиономию полотенцем.

– Ты хочешь, чтобы тебе сломали нос? Или еще хуже? – процедил сквозь зубы брат.

– Что может быть хуже сломанного носа? – спросил Николас. Не то чтобы ему нужен был ответ. Просто он хотел отвлечь внимание Гриффа, чтобы тот прекратил попытки его остановить.

Он должен был продолжать. Ему было необходимо как-то освободиться от всего – что бы это ни было, – что сжигало его изнутри.

Ночью, покинув комнату Изабелл, Николас почти не спал. Образы прошедшего дня сменяли друг друга перед его мысленным взором. Он вспоминал ее, изумительно красивую, в церкви, произносящую брачные обеты. А вечером самообладание вытеснил панический страх. Ужас в ее глазах стрелой пронзил его сердце, вызвав острую боль. Ее тревога слегка ослабла, когда они играли в карты, но снова вернулась, когда он повел ее в постель. И, главное, он никак не мог забыть, какие эмоции испытал сам, когда она лежала в постели рядом с ним, совсем близко, оставаясь бесконечно далекой.

– Еще один раунд, и все, – повторил Николас.

Брат сделал шаг в сторону, его лицо при этом выражало отвращение.

– Прекрасно. Ты все равно не обращаешь никакого внимания на мои слова, так что можешь и дальше изображать боксерскую грушу. Возможно, кому-то удастся вбить хотя бы крупницы разума в твою тупую башку. – Он повернулся к зрителям. – Кто-нибудь желает сразиться с новым герцогом Гейджем? Ему, похоже, необходима хорошая встряска.

Собравшиеся оживились, и вперед выступили несколько человек, уже одетых для поединка. Грифф оглядел каждого и указал на самого мощного из них.

– Вы первый. Только постарайтесь не думать, что ваш противник – герцог. Или, наоборот, думайте, если это поднимет ваш бойцовский дух.

Мужчина засмеялся, сказал несколько слов другим претендентам и вышел на ринг. Глаза его сверкали. Николас ощутил его взгляд и сжал кулаки. Теперь он думал только об одном – как стереть самодовольную улыбку с физиономии противника. Он должен был получить свое удовлетворение, и если ему доступно лишь такое, он его обязательно получит. Он его возьмет.

Нельзя сказать, что Изабелл ждала мужа. Просто она все утро ничего не делала – только брала в руки вышивание и снова его убирала. Вверх – вниз, вверх – вниз. Так несчастный клочок ткани преодолет большее расстояние, чем она.

Она сидела в удивительно удобном кресле – в доме родителей не было такой мебели – в маленькой комнате, личной чайной комнате герцогини, как сообщил дворецкий. В ней было два больших окна, но день выдался пасмурный, и Изабелл потребовались свечи. Тем более что она предположительно вышивала. Хотя на самом деле она этого не делала.

Если не считать дворецкого, который с точностью часового механизма появлялся каждые пятнадцать минут, чтобы осведомиться, не нужно ли что-нибудь ее светлости, Изабелл была одна. Ее никогда не оставляли одну так надолго. Ощущение было странным. Возможно, по этой причине она не могла сосредоточиться на вышивании.

Она снова отложила его, когда услышала, как хлопнула входная дверь, и дворецкий заговорил исключительно подобострастным голосом. И тогда она вышла в вестибюль – случайно, якобы она как раз проходила мимо, когда пришел герцог. Она не взяла с собой вышивание, оно уже достаточно путешествовало.

– Ах, это ты, – сказала она, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос звучал безразлично, чтобы в нем не было ни намека на эмоции вроде: «Где, ради всего святого, ты был? Неужели тебя так сильно разочаровала прошлая ночь?» Впрочем, ей не надо было слишком сильно стараться, чтобы говорить так, словно она напрочь лишена любых эмоций. К этому ее приучили с детства. Единственный человек, перед которым Изабелл позволяла себе в какой-то степени открыться, это Маргарет. Но даже сестра не знала о ней всего. Что бы это ни было.

Николас отдал шляпу дворецкому, повернулся к супруге, и она тихо ахнула. Его лицо – его прекрасное лицо – выглядело так, будто на нем кто-то вышивал.

– Что случилось? – Она повернулась к дворецкому и приказала: – Принесите тряпки, горячую воду и... и...

– И виски, – добавил Николас, бросив лукавый взгляд на жену. – Это выглядит хуже, чем есть на самом деле. Я в порядке.

Дворецкий вышел, оставив их наедине. Изабелл подошла ближе, и у нее перехватило дыхание. Вблизи его лицо выглядело еще хуже.

– Ты совершенно точно не в порядке. Пойдем в гостиную. – Она взяла мужа за руку и, не дожидаясь ответа, повела за собой.

Николас не сопротивлялся. Изабелл снова почувствовала его запах – аромат сливового пудинга, его тепло и силу. Это напомнило ей о том, что они делали – или не делали – ночью.

– Сядьте, ваша светлость... то есть садись, Николас, – сказала она, подтолкнув его к одному из стульев. Он огляделся, отметив пальцы с вышивкой, чайные принадлежности и даже скамеечку для ног.

– Приятная комната, не правда ли? – проговорил он, будто зашел с визитом и не выглядит так, словно кто-то перепутал его лицо с боксерской грушей.

Сделав паузу, Николас засмеялся.

– Я пока еще не слишком хорошо изучил этот дом. Ты же знаешь, я совсем недавно переехал – всего две с половиной недели назад.

Разумеется. Прошло только две недели со дня их первой встречи. Две недели, с тех пор как она на короткое мгновение обрела свободу, которую у нее безжалостно отобрали, утопив в безбрежном море запутанных формальностей, дел чести и всевозможных финансовых операций.

Какое значение имеет жизнь одной женщины в сравнении со всем этим?

И хотя Изабелл понятия не имела, как она впишется в новую жизнь – ее жизнь, – она не могла роптать. Во всяком случае не слишком сильно.

А пока перед ней он, ее супруг, весь в крови и синяках, но с той же дерзкой улыбкой на лице, которая, будь Изабелл женщиной иного сорта, заставила бы ее колени подкоситься.

Изабелл не была женщиной иного сорта, так что колени у нее лишь слегка дрожали.

– Ваша светлость. Ваша светлость, – сказал появившийся дворецкий, кланяясь сначала ей, потом Николасу. Они обменялись понимающими взглядами. Оба вспомнили его слова, сказанные прошлой ночью.

– Положите все на стол, – велела Изабелл, – и можете идти. Я сама позабочусь о его светлости.

Дворецкий поклонился, положил на стол чистые тряпки и таз с горячей водой, потом направился к столику у окна и принес оттуда графин с темной жидкостью и стакан.

– Что-нибудь еще, ваша светлость? Ваша светлость? – спросил он и снова поклонился.

Изабелл жестом отпустила его, подошла ближе к мужу, взяла тряпку и положила ее в горячую воду.

– Ты мне расскажешь, что произошло?

Николас ухмыльнулся и поднял глаза.

– Сказать тебе, что я получил несколько довольно точных ударов по лицу? Но ты это и так знаешь.

Изабелл подавила тяжкий вздох – такие позволяла себе только Маргарет, – и постаралась придать своему лицу нейтральное выражение, какое и должно быть у герцогини. В свое время ей пришлось много часов тренироваться перед зеркалом, под надзором матери, прежде чем оно у нее получилось.

Только когда она это сделала, его ухмылка исчезла. Он отвел глаза и стал смотреть в другую сторону. Она его как-то разочаровала? Поэтому накануне ночью они играли в карты? И что же ей теперь делать?

Не сработало. Поединок с самым сильным человеком, которого Грифф сумел отыскать в клубе, не смог выбить из его головы образ Изабелл, все еще девственной (насколько ему было известно) и потрясающе красивой.

А теперь выяснилось, что в ней присутствует немного властности. Это удивило Николаса. Накануне ночью – это было единственное продолжительное время, которое они провели вместе, – у него создалось впечатление, что она кроткая и покорная. Красивая, но не активная и не энергичная.

Но сейчас рядом с ним была совсем другая женщина. Она только взглянула на его лицо, и ее роскошные губы задрожали, но ей хватило смекалки и практичности, чтобы отдать приказы дворецкому – Николас все не мог запомнить, как его зовут – и привести его самого сюда, в гостиную, чтобы она могла обработать его раны.

– Я знаю, будет больно, но если мы ничего не предпримем, будет еще больнее, – сказала она, вероятно, решив не продолжать допрос и не выяснять, кто его так разукрасил и почему.

Ему хотелось сказать: «Ты бы посмотрела на моего соперника», но он сомневался, что женщина оценит его неуместную веселость.

Было действительно больно, и Николас с шумом втянул в себя воздух, когда мокрая ткань коснулась уголка глаза, куда его противник нанес один из самых сильных ударов.

– Ты намерен мне что-нибудь рассказать?

Значит, она не отказалась от допроса, а лишь отложила его на время. К перечню известных ему качеств его герцогини Николас добавил еще одно – упрямство.

Он закрыл глаза и откинулся на спинку стула. Ей пришлось придвинуться ближе, и теперь она стояла между его ног. Превосходно. Лучше не бывает.

– Мне нравится считать себя опытным боксером, – произнес он. – Сегодня, вероятно, я добился не самого лучшего результата поединка.

Николас почувствовал, что Изабелл отступила, и открыл глаза. Она выглядела шокированной, если, конечно, столь идеальное создание может так выглядеть.

– Ты хочешь сказать, что позволил сделать это с собой? – тихо переспросила она. – Намеренно?

Ему захотелось расхохотаться. Уж слишком потрясенной она казалась. Но Николас понял, что его смех отпугнет ее еще больше, чем синяки и кровь на лице.

– Да, так уж вышло. – Он поднял руку, желая потереть ноющую челюсть. – Ты не могла бы налить мне виски? – попросил он.

Она удержала его руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.